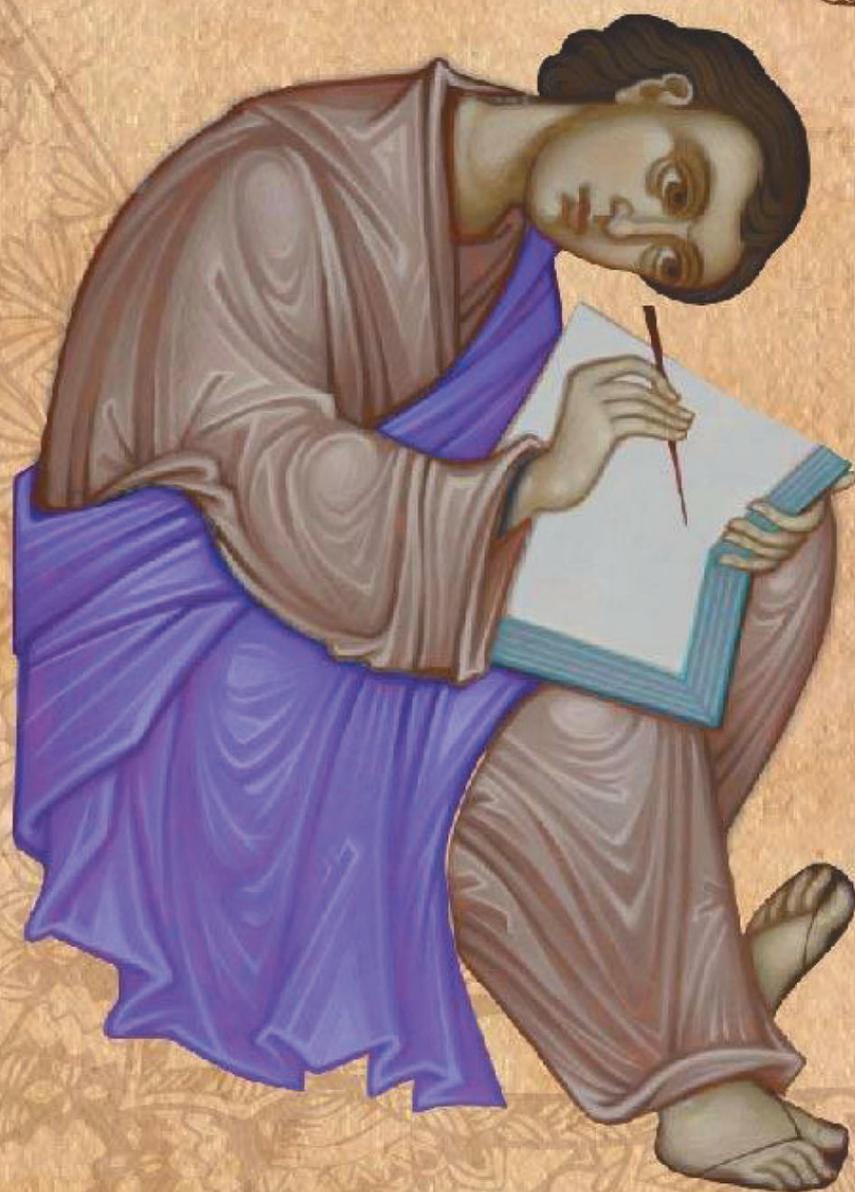

ЕВАНГЕЛИЕ

ом

РЕЖИССЁРА

Себастьян Оз

Евангелие от режиссёра

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Оз С.

Евангелие от режиссёра / С. Оз — «Издательство «Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-110-0

Для меня, как историка, оказались весьма интересными многие выводы автора. Хотя автор и не впервые за последние два века рассмотрел Евангелие от Иоанна как принципиальный спор с остальными евангелистами, однако здесь мы встретим оригинальный подход, позволяющий реконструировать процесс его создания, опираясь лишь на известные церковные предания и евангельские тексты без ссылок на исторические исследования. Художественная форма произведения дает шанс и возможность читателям, не имеющим подготовки погрузиться в тему формирования Нового Завета, увидеть, как противостояние его авторов породило борьбу различных течений начального христианства, победа в которой осталась на стороне Четвертого Евангелия, являющегося до сих пор главным богословским текстом исторических церквей. Следуя за героями, вы окажетесь свидетелями евангельских событий, перипетий начальной церковной истории, и одновременно будете присутствовать при попытках непредставимого в древности научного и технологического прогресса человечества нынешней эпохи найти новую идею Бога. Иннокентий Павлов, церковный историк, член правления РБО, автор многочисленных монографий по раннему христианству, февраль 2020 года.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-110-0

© Оз С., 2020

© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
I	15
Глава 2	17
II	21
Глава 3	23
III	26
Глава 4	30
IV	33
V	36
VI	40
Глава 5	42
VII	45
VIII	46
Глава 6	47
IX	49
Глава 7	57
X	59
Глава 8	63
XI	65
Глава 9	70
XII	75
Глава 10	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Себастьян Оз
**Евангелие от режиссёра. Религиозно-
историческое исследование, написанное
в форме художественного произведения**

© Себастьян Оз, 2020

Предисловие

АВТОБИОГРАФИЯ

Веселилось детство в старом бараке.
Юность кусалась, как злая собака.
Шрамы на теле, черти внутри.
Я вспоминаю, как сильно в те дни
Пахла трава и гудели шмели
И девичьи лица прыщами цвели,
Как мысли до крови терзали мне губы,
За дерзкий язык как страдали зубы,
Страхом тогда пеленалась ярость
И презиралась беззубая старость,
Как билось о клетку сердце в груди,
И вот всё прошло, всё уже позади.
Быстрее, быстрее бег колеса.
Сомкнувши глаза, я смотрю в небеса —
Ищу серафима
И вижу орла.
Стою неопалимый,
А вокруг дотла
Сгоревшие доктрины
Истлевших мудрецов,
Пустые витрины
Магазина снов.
Пусть ветерок надышит
Мне слова в ладони,
И голос мой услышат
С крыльями кони.

Перед вами книга, собранная в более-менее связное повествование в основном из воспоминаний и записок одного странного человека, а также из бесед с ним. Это бывший режиссер, с которым познакомил меня мой друг Евгений Альтов при довольно странных обстоятельствах. Я посещал Альтова в центре психического здоровья после пережитого им стресса. Там он подружился с Сергеем Афанасьевичем Левием и практически не расставался с ним, проводя с ним вместе всё свободное от процедур время. Этот человек был абсолютно здоров, на мой взгляд, но предпочитал оставаться в больнице. При этом он пребывал всегда в прекрасном настроении, глаза его были наполнены смыслом, весельем и уверенностью. Таким я его запомнил.

В эпиграфе – одно из его стихотворений. В записках, послуживших основным материалом для этой книги, были вперемешку эпизоды его жизни, отрывки из неоконченной повести про Иоанна Богослова, просто мысли на разные темы, стихи, комментарии. Всё это было свалено в одной картонной коробке, которую он мне отдал примерно через месяц после нашего знакомства.

Главное открытие Левия, ради которого он взялся за своё писательство, после прочтения всей книги станет для вас интересным и простым. И весьма, весьма актуальным. Я в этом не сомневаюсь. Но первые главы наверняка покажутся непонятными и оторванными от жизни зарисовками на историческую тему. В отличие от совсем уж развлекательной литературы, вам придётся при чтении прилагать усилия. Постепенно вы увидите, что одно из четырёх канонических Евангелий – это богословское опровержение трёх других, написанное в форме повествования о жизни Христа, как и три другие евангелия. Личная жизнь автора заметок так странно переплелась с событиями той эпохи, что пришлось разбить историческое повествование отрывками из его дневников и устными рассказами. Они отмечены римскими цифрами в отличие от исторической линии, которая разделена на традиционные главы.

Вывод из моего личного опыта разбора этих текстов – их наиболее интересно читать будет тем, кто очень хорошо знает Писание. Впрочем, людям современным, интеллектуалам и учёным, любителям поэзии будет не менее интересно.

Удачного чтения.

Некоторые записи с моими пометками. По мере составления книги я перестал отмечать, откуда запись, и просто разместил всё более-менее в логичной последовательности. Сохранена орфография автора: прописные и заглавные буквы, имена и транскрипции некоторых слов. Возможно, это имело значение.

Глава 1

Звезда над Назаретом

Материалы для сценария.

Иоанн – автор Евангелия;

Прохор – его ученик.

Место действия: Эфес, сто второй год по Р. Х.

Прохор положил подушку на циновку, и старец сел. Седая курчавая борода учителя казалась выдранной из верхней части головы и приклеенной к щекам и подбородку. Лысина была обрамлена такими же белыми волосами с красивыми завитушками. Выпуклые, большие, голубые глаза старца, слегка белесые от старости, как будто жили отдельно от тела. Они вращались, всверливаясь в собеседника, указывали, смеялись, гневались. Прохор иногда путался и не мог вспомнить, сказал ли учитель что-то языком или этими своими глазищами.

– Прохор, дитя, сядь.

Прохор сел рядом и достал стило и свиток.

– Нет, отложи это. Я хотел просто поговорить с тобой.

– О чём, отче?

– Ты веришь Писанию?

– Каждому слову, отче. Ведь это божественное слово.

– А если в нём ошибки?

– Как это? Если бы так, мы бы не знали, чему верить.

– Хорошо, правильно ты сказал. Но что делать, если всё-таки найдутся несогласия?

– Я не встречал... А разве они есть? Но думаю... Бог разрешит их, если попросить Его. Просто мы не всё знаем... Когда люди спорят, каждый верит своей правде, но истина-то одна. Так ведь, старче?

– Да, сынок, так. Но жизнь сложнее. Ты помнишь евангельскую историю о рождении Иисуса? – Старец прекрасно знал, что Прохор наизусть помнил Евангелия, но каждый раз спрашивал.

– Она есть у Луки и Матфея. Правда, от Марка начинается уже с крещения в Иордане.

– Но благая весть – это свидетельство. Кто же мог свидетельствовать, если апостолы тогда сами были младенцы, а некоторые и не родились ещё? – Глаза старца повернулись в орбитах и указали чёрными точками зрачков куда-то на дальний скат крыши, где была дыра и виднелось небо.

– Мария могла. Сказано, что она слагала всё в сердце своём, – Прохор загорелся, он был вспыльчив.

– Да, дитя. Но она женщина, а им нет веры.

– Разве всё было не так?

– Посуди сам, Прохор. Помнишь, как у Матфея? Когда родился Иисус в Вифлееме, волхвы увидели его звезду, пришли в Иерусалим и спрашивали: где царь иудейский? И их отправили в Вифлеем. Они шли за звездой и пришли к дому, где был Иисус, поклонились ему, отдали дары и отошли в свою страну. А Иосифу сразу после их ухода было видение во сне, он взял Марию с младенцем, и они бежали в Египет.

– Да, так и есть, старче. Вслед за волхвами в Вифлеем пришли посланные от Ирода, чтобы убить Иисуса – законного царя от семени Давида, которого все ждали.

– Сам Ирод был из идумеев и не еврей вовсе, потому ревновал. Но семейство успело убежать. Так, а что там у Луки? Они не бежали в Египет из Вифлеема?

– Сказано, что после рождения Иисуса в Вифлееме его по закону на сороковой день принесли в Иерусалим, чтобы посвятить Господу и принести жертву. А после родители с Иисусом сразу вернулись в Назарет. А Египет, да, Египет... – ученик явно растерялся и опустил голову.

– У Луки о волхвах ничего не сказано и о бегстве в Египет? – старец хитро прищурился и уколол Прохора взглядом, как спицей.

– Не сказано... но всё это было.

– А когда? Сказано, что из Иерусалима семья пошла в Галилею, так? И жили там. Зачем же волхвы пришли в Вифлеем? Там уже младенца не было.

– А если по дороге домой в Назарет... они... они опять остановились в Вифлееме? И туда же пришли потом волхвы... А потом – в Назарет... Лука мог это опустить?

Прохор говорил всё менее уверенно.

– Хе-хе. Зашли в Вифлеем? По дороге, говоришь? Значит, в Египет – из Вифлеема, сразу как ушли волхвы? А как же Назарет? В Назарет не попали, значит? Ну-ну... А у Луки... Прочитай! Они просто пошли домой из Иерусалима, и жили в Назарете, и *младенец возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на нём*. А кроме того, подумай, дитя, зачем бы им было опять возвращаться в Вифлеем? В хлев!? Они ведь приходили туда на перепись, а задержались из-за родов.

Прохор за прошедшие годы много раз смущался, когда находил, что евангелисты противоречат друг другу. Но потом всегда всё чудесно разъяснялось. Он привык, поэтому после минутной растерянности пришёл в себя:

– Значит, остаётся одно: волхвы пришли в Вифлеем до прихода семейства в Иерусалим... в сорок дней очищения... Вы меня искушаете, отче?

– Нет, дитя, я учу тебя думать. Кормлю тебя пока молочком, чтобы ты вырос и мог есть твёрдую пищу. Продолжи свою мысль. Если волхвы пришли в Вифлеем в эти сорок дней, то по их отшествию восвояси, как написано, семья бежала в Египет. Как же жертва в Иерусалиме на сороковой день? А-а? И как младенцу оказаться в Назарете и возрасть там? Так вот, дитя: либо из Вифлеема в Египет, как у Матфея, либо из Вифлеема в Иерусалим, а затем в Назарет, как у Луки. Иного не может быть.

– История про волхвов – ложь? И про бегство в Египет? – Прохор окаменел и выглядел так, словно в хижину вбежал лев.

– Получается так, дитя. Не всему написанному в Евангелиях можно верить. Перемалывай всё жерновами ума.

– Мне так нравилась история про Вифлеемскую звезду!

Глаза Прохора стали влажными.

– Ты мог бы, дитя моё, как разумный, по-другому догадаться, что история эта бабья – выдумана. Просто посчитай. По закону Иисуса обрезали на восьмой день, а на сороковой они ушли из Вифлеема. Если волхвы увидели звезду родившегося царя иудейского, сколько времени они потом добирались в Вифлеем через Иерусалим?

– Не знаю.

– Там путь длинный с Востока. Даже от нас в Иерусалим идти было бы больше месяца. Так что они не могли успеть в Вифлеем до ухода оттуда семейства. История про волхвов – красивая сказка.

Прохор едва не плакал. Глаза его блестели, полные слёз. Наконец слеза упала на пол, взбив струйку пыли.

– Ну что ты, дитя. Рыбаки, хотя и апостолы, всего лишь люди. А истину открывает дух святой.

Весь день Прохор ходил понурый и лёг спать до заката. Заснуть ему удалось за полночь. И вот Прохор спит и видит сон.

Толпа мальчишек бежит за тремя странно одетыми иноплемениками. Они провели в Иерусалиме несколько дней, и даже сам Ирод принял их, как послов с Востока.

– А вы правда пришли поклониться сыну Давида? А кто он?

– Как вы узнали про него?

– Два года назад мы увидели звезду, которая возвестила нам о его рождении, – ответил один из более разговорчивых путников.

– А что это у вас на головах?

– Эй, а вы из какой страны?

Три иноземца продолжали молча ехать на ослах. Караван с водой, продуктами, вином и подарками будущему царю двигался за ними. Слуги и любопытствующие замыкали процессию. Наконец иноземцы выехали за пределы Иерусалима по дороге в Вифлеем. Караван остановился. Один из трёх, по-видимому, старший, показал рукой остальным:

– Опять звезда появилась. Следуем за ней.

Все обрадовались увиденному, так как в Иерусалиме звезда исчезла, и пришлось всех расспрашивать, где родился царь.

– Но она на севере, а нам нужно в Вифлеем.

– Кому верить, этому хитрецу, которого называют царём, или знаку свыше? Мы поедem за звездой.

Прохор проснулся и схватился за свитки. Нигде нет такого, что волхвы направились в Вифлеем. Их туда посылали. Но опять появилась звезда, и они пошли за ней. Придя, вошли в дом и нашли там младенца с матерью. Но в Вифлееме семейство жило с овцами, а не в доме!

Прохор вскочил:

– Старче, старче. Я всё понял. Звезда привела волхвов в Назарет, а не в Вифлеем. Через два года после рождения Иисуса. Семейство с младенцем вернулись туда из Иерусалима, совершив всё по закону, как и написано у Луки. А потом через два года пришли волхвы, и семейство отправилось в Египет. Из Назарета. Это уже у Матфея – продолжение сказанного Лукой.

– Не умничай, Прохор. Волхвы спрашивали, где родился царь, и им рассказали пророчество и направили в Вифлеем.

– Но они не пошли, куда указал им царь! Не пошли! Они ему не поверили, а пошли за звездой!

Прохор от возбуждения начал жестикулировать, едва не задев старца:

– Волхвы видели её на востоке. Их страна на востоке, они там жили. А потом она вновь появилась, когда они вышли из Иерусалима, и они обрадовались и пошли за ней. Так и сказано у Матфея, что они увидели звезду и обрадовались – это уже после Иерусалима, – Прохор говорил громко, почти кричал.

– И сколько, по-твоему, было младенцу, когда они пришли в Назарет? – старец усмехнулся одними глазами, а голосом погасил возбуждение Прохора.

– Думаю, года два-три. Ирод всех убил в Вифлееме от двух лет и меньше, выведав возраст от волхвов. Зачем убивать двухлетних, если Иисус только родился? И почему волхвы назвали такой возраст?

– Волхвы могли обмануть его, сказав, что увидели звезду раньше.

– Да, учитель. Но зачем было обманывать? Они же не знали, что он собирается всех убить.

– Ты сам сказал, что волхвы Ироду не поверили.

– Учитель, они на развилке поверили звезде, это правда – здесь был выбор, куда идти. Ирод сказал одно, а звезда показала другое. Ирод не знал... или... или сказал из зависти. Но убивать младенцев! Они и представить не могли!

– Это они тебе сказали? – старец округлил глаза, будто удивился. Потом рот его растянулся в улыбке.

– Да н-н-нет же! – Прохор очень разволновался, глядя на старца, и стал заикаться. – Н-н-нет, но Бог знал, что они хотели вернуться и известить Ирода. Почему же ещё было им откровение не возвращаться? Так что ясно – они не думали, что Ирод пошлёт убийц.

– Да ты не иначе фарисей, друг мой. Цепляешься, выкручиваешься. Будь проще. Истина – она в простоте.

– Я не цепляюсь, отче. Я увидел сон.

– Сон? Снам, братты мой, верить не должно. Только некоторые могут правильно истолковывать сны. А младенцам в вере нужно слушать наставников.

– Сон меня только навёл на мысль, а я проверил по Евангелию. И всё сложилось.

Старец задумался. Хотя он и был упрям, но прислушивался к доводам разума и любил красоту и стройность мысли. «Надо признать, – подумал он, – Прохор смыслён. Если бы волхвы пришли в Вифлеем, о них бы знали все, от мала до велика: откуда пришли и куда направились. Всё бы вывели! Даже в огромном Иерусалиме какой переполох был от иноземцев! Стражники мигом пустились бы в погоню, разведывая по дорогам, где шло семейство и куда отправились волхвы. И догнали бы их. А так... Получается, если волхвы не выдумка, то Прохор прав: о них никто в Вифлееме не слышал и сказать стражникам ничего не мог. Никто ничего не утаивал, просто семейство покинуло Вифлеем два года назад, во время переписи. Кто бы их вспомнил? Они были как все, пришедшие тогда на перепись».

Хм. Да, так вполне могло быть. И Евангелия согласуются. Старец похвалил Прохора и отправил собирать упавшие смоквы, а сам решил ещё поразмыслить.

А ведь стражники могли подумать, что будущего царя прячут, и доложили Ироду. Ирод же велел убить всех младенцев в Вифлееме и округе. Чтоб наверняка. Теперь всё стало на места.

Старец, кряхтя, поднялся и вышел во двор.

I

Решка

Компиляция из дневниковых записей и воспоминаний С. А.

«Всё, что я расскажу, началась несколько лет назад после звонка друга, моего однокурсника. Не обращайте внимания на стиль – у нас привычка, ещё с учёбы в МГУ, говорить иногда в рифму. Это помогало от похмелья лучше, чем огуречный рассол. Ну и веселее как-то. Так и прицепилась привычка в нашем круге, но теперь уже выветрилась. И это хорошо.

– Привет, Сергей. Ты мне очень нужен.

– Ни свет ни заря – поднимайте якоря. Я готов.

– Будь другом, встретимся у меня, завтра в 10. Помнишь адрес?»

Выйдя на балкон весенним утром следующего дня и вдохнув не успевший согреться холодный ночной воздух, Сергей Афанасьевич посмотрел вдаль и начал рефлексивно перебирать рифму:

Укрылось утро за кромкой леса,
Бельё тумана
С плеч великана
Мороз развесил
На стрелах крана.
Бельё...

– Марочка, моя рубашка ещё мокрая?!

Сергей Афанасьевич вспомнил, что договорился с Петром о встрече.

– Да успеешь ты, успеешь... Да, пожалуй, мокровата. Ну, одень свитер, как обычно. Велика важность. Ты же к Петюне собрался? Поцелуй его за меня... – Маргарита весело подмигнула.

– Петюне? Петюне?!.. Ах ты... Ах ты... ведьма... Заигрываешь с моими друзьями?

– Ревнуешь? Накажи! Зайчик ты мой пушистый, – Маргарита схватила мужа за плечи недалеко от шеи и затрясла, как обычно играют с кошками. Она любила котов, но после смерти Барсика котёнка не взяли из-за аллергии мужа.

– Наказать? Ты хочешь увидеть моё мужское звериное начало? Нет уж. Жди от меня... эпиграммы, что ли. Они ведь прилипают и не забываются. Сама себе будешь потом напевать. Помнишь, Настю из агитбригады ведьмой прозвали? И ведь прилипло к ней: Настя-ведьмочка. Она блудливая была, эта Настенька, и любила в основном студентиков-арабов, негрятят. Наших не баловала. Так вот, эта песенка о ней была – я её тогда сочинил. Сейчас, сейчас, как же там...

Сергей Афанасьевич помурлыкал, помурлыкал и пропел:

Возвращаясь поутру
В маленькую конуру,
Ведьма часто приносила
Сувениры из могилы:
Череп, кости, башмаки,
Иногда часы, браслеты,
Дорогие сигареты,
А однажды притащила

Иностранца из Манилы.
Ночью, бедный, так кряхтел,
что сбежали все соседи,
Даже чёрт не утерпел.
И теперь она одна
Сидит томно у окна.

– Это не про меня. Я другая.

– Все вы похожи. Ладно, отложу свою месть – но ты трепещи. Нет ничего более слова.

Сергей Афанасьевич полностью доверял Маргарите, а показной ревностью поддерживал её своеобразную игру. Она же постоянно проверяла на нём свою женскую привлекательность.

– А может, ну его? Не идти никуда... А, Марочка?

– Иногда великие дела начинаются с похода в уборную. Брось монетку. Пусть выпадет решка.

Выйдя из метро, Сергей Афанасьевич направился к огромному серому зданию, напоминающему скалу и запомнившемуся ему ещё с детства своей мрачной сосредоточенностью. Дверь едва поддалась.

– Мне на второй. То есть в 205-й.

– Ваша фамилия? Так, Ваш паспорт. Вот пропуск – не забудьте поставить время выхода.

Специфический министерский запах вьелся в стены.

– К Петру Афанасьевичу можно?

– Присядьте. Одну минуту, я узнаю... Да, проходите.

– О-о, сколько лет? Да ты прям атлет!

– Это всё лыжи. Да зимы уже нет.

– Ну, давай к делу. Меня, так сказать, не по профилю привлекли: разговор зашёл... там, – показывает пальцем на потолок. – В общем, вспомнили, что я по молодёжи был когда-то. Нужен креативный, очень талантливый и модный в их среде – вроде тебя. Хотя... мы не молоды уже. Время летит, да... Короче, лови момент.

– Да я готов. О чём снимать?

– Про бога.

– Вообще? Или про какого-то конкретно?

– Ну ясно – про Христа. Завтра в Переделкино на подворье в 11.30. Не забудь «Отче наш» прочитать на ночь. Его Святейшество благословит на важное дело и даст все цэ-у.

– Постой, постой, э-та, по-стой... Я же... некрещённый, я агностик, ё-маё, – Сергей Афанасьевич от неожиданности смутился и залепетал, как уличный мальчишка.

– Сергей, не ёрзай на стуле, если уже сел. Всё решено и назад хода нет. Святейшему ангелы уже нашептали в уши. Все подписались, тебе мелочь осталась – всё снять, продумать там... ну, ты знаешь. Это твоё.

– Погоди, Афанасич. Ты что, не знаешь? Я же...эта. Как сказать? Из жидов мы. Еврей то есть я.

– Да ладно, не кривляйся. Ты же наш. Сергей Арт... Как ты? Артемьевич или Артамонович?

– Афанасьевич. Батя у меня – Афанасий Борисович, как у тебя. А дед – Борис Моисеевич. В те времена... Сам знаешь...

– Ну даёшь! Я думал, ты наш. Ишь, как спрятался! Ну, не важно. Теперь будешь крещённым – после благословения Его Святейшества, так сказать. От преизбытка этой, то есть – благодати. Стяжашь, так сказать. Короче, друг мой. Я тебя жду там, перед въездом. Не опаздывай – чревато. Мне пора. Всё, пока, пока.

Глава 2

Крещение назорея

Материалы для сценария.

В верхнем левом углу листка пометки карандашом:

Эпизод 1. Крещение назорея. Почему Иоанн отказывался крестить Иисуса. Библия, Книга Чисел: *Во все дни назорейства своего свят он Господу.*

Действующие лица:

Ефрем, торговец шерстью из Вифании близ Иерусалима;

Наум, его собеседник, житель Иерусалима;

Толпа на берегу Иордана;

Иоанн Креститель и назорей.

Место пустынное, до ближайшего селения два дня пути. Толпа приготовилась к крещению и ждет указаний от Иоанна. Двое уже оделись и стоят в сторонке, сохнут, наблюдая за происходящим. Их имена: Наум и Ефрем. Подходит назорей с длинными волосами и нестриженной бородой, становится рядом с народом. Иоанн подзывает его.

– Ефрем, глянь-ка, назорей пришёл. Ты его знаешь?

– Нет.

– Иоанн с ним разговаривает.

– Угу.

– Кажется, назорей просит его крестить. Вот так да-а!

– А что такого?

– Назорей свят по закону. Как же он может креститься в покаяние? Это он должен крестить! Назорей перед Богом как первосвященник. Так книжники говорят.

– Как это?

Наум посмотрел на собеседника с удивлением:

– Да так. Обет назорейства – это обет не пить вина и... ну ещё там... не стричься. Но главное... В общем, фарисеи говорят – это священство, только добровольное. Давай посмотрим, чем всё закончится.

– Смотри-ка, да они спорят.

Иоанн отказывается его крестить, а назорей явно не хочет уходить.

Ефрем цокает языком:

– А ты прав, брат Наум. Иоанн не может принять покаяние от того, кто свят.

Наконец спор окончен, и Иоанн, к удивлению собеседников, допускает назорея. Толпа входит в Иордан. Назорей тоже вошёл.

– Смотри, Ефрем, а Иоанн таки крестит его. Не пойму, в чём безгрешный кается? Он таки назорей или нет?

– Ух ты, смотри-ка, смотри. Видишь голубя – над ним порхает. Сел на него. Это Божий знак!

– Ага, у тебя повсюду знаки. Ты и жену по знаку выбрал, и что?

– Толпа выходит из воды. Ты видишь назорея?

– Нет, он... он где-то затерялся. Пойдём ближе, посмотрим.

Подходят. Наум обращается к крещёным:

– Шалом. Вы не видели, куда назорей исчез?

Из толпы:

– Нет. Кажется, он ушёл сразу.

Эпизод 2. Иисус в Капернауме. Иисуса называли «святой Божий», зная, что он назорей.

Через восемь недель в синагоге Капернаума. Посреди синагоги, рядом с возвышением лежит человек, над ним склонился старейшина и ещё двое. В двух-трех шагах от них стоит некто с небритой головой, явно назорей. Человек десять сбились в толпу возле выхода и обсуждают происшедшее, но почти шёпотом. Остальные уже вышли. Говорили в основном Иосиф, державший рыбную лавку, его зять Левий и Иуда из Вифсаиды, привозивший рыбу свежего улова. Он обычно оставался в ночь на субботу на ночлег в Капернауме, в доме у сестры.

Левий говорит возбуждённо и скороговоркой, обращаясь к Иосифу:

– Нет, ты видел? Дядя Авдей подошёл к нему, чтобы обличить, и тут же упал с пеной.

Иосиф отвечает ему медленно, словно подмороженная рыба. Открывает рот и выдыхает почти беззвучно слова:

– Тише ты. Да, я рядом с ними стоял. Авдей слушал его, слушал, а потом и говорит: «Знаю, кто ты! Назорей, святой у Бога? Так зачем же пришёл сюда к нам? Мучить своими речами? Всё, что ты говоришь, никто не в силах исполнить. А мы соблюдаем закон и угождаем Богу». И пошёл на него. А назорей ничего и не делал особенного, только сказал: «Замолчи и выйди из него».

– А ты понял, о чём это он проповедовал? – Иуда тоже говорил шёпотом, поглядывая на назорея. – Кажется, про царство благоденствия, что оно грядёт. Сказал: «Не заботьтесь о дне завтрашнем, делитесь тем, что имеете, любите даже врагов». Чего дядя Авдей к нему прицепился?

– А, видать, заело его. Вишь, мучил его назорей новым учением. Авдей же закон соблюдал – у-ух, – Иосиф взмахнул рукой и ухнул, словно птица сорвалась с ветки. – И себя чуть не цадицом считал. А тут-делитесь!

Назорей вышел, и толпа оживилась. Кто-то из стоящих рядом с Иосифом подал голос:

– Это бес из Авдея вышел. Видели пену? Меня как холодом окатило!

Все живо включились в обсуждение:

– Какой ещё бес?

– Все одно, что боги, что бесы. Для эллинов это все боги, они им кадят и называют по именам.

– Кто этот Авдей, разве он язычник? Разве язычники в синагогу ходят?

– Ты, смотри, новенький здесь. Из Иудеи? У вас там нет таких? А здесь многие поклоняются богам тайно или когда ездят по торговле к эллинам в Тир или Сидон. Заходят в храмы, кто к Аполлону, кто к Астарте, кто ещё к кому. Приносят дары, выпрашивают успеха. Род неверный.

– И что? Авдей из таких?

Никто не ответил.

Наконец все вышли и стали расходиться. Иосиф с Левием и Иуда остались возле синагоги снаружи. Иосиф кивнул в сторону назорея:

– Говорит, царство Божие приблизилось. Покайтесь и веруйте в эту благую весть. То же, что и Иоанн проповедовал.

– А я вот не вижу его, царство это. Назорея крестил Иоанн, говорят. От кого крестился, от того и научился, значит, и последует за ним. Начинают всегда с проповеди, а потом – бунт и тюрьма.

– Иоанн не бунтовщик был. Но его уже взяли, сидит в Махе ро не.

– Все говорят, что Иоанн – пророк. А ведь казнят его, как Иуду из Гамалы! Да?

– Да. И за Иудой тогда много народу пошло. Он Израиль объявил царством Бога. Так римляне не стерпели такого царя, который на небе и не кесарем назначен.

Трое увлеклись разговором и не видели, как поодаль, где стоял теперь назорей, собрались любопытствующие. Иуда опять спросил про учение:

– Иосиф, так назорей в каком смысле учит, что царство Бога приблизилось? Это как Иуда из Гамлы проповедовал?

– Да нет, кажется. Назорей говорит, что царство внутри нас.

– Странно как-то... Как же оно приблизилось? Что внутри, у меня всегда с собой, кроме того, что... входит и выходит. Гы-ы.

– Пророки всегда говорили про новый завет и что Бог напишет закон в сердце, а не на каменных скрижалях. Я так понимаю, что царство – это там, где законы царя действуют и исполняются. Если внутри себя исполняешь закон, а не снаружи, для притворства, то царство уже внутри.

– Хочешь сказать, жить по совести? Это как-то смутно всё... – Левий почесал затылок.

– Скажи, Левий, ты всегда знаешь, как поступить по закону? Или спрашиваешь у фарисея, чтоб растолковал, что в законе написано?

– Бывает.

– Вот, то-то. А будет просто – внутрь посмотрел, а тебе ответ: поступай так-то и так. Как это сбудется, и будем так жить – вот тебе и царство Божие. Тогда оно и внутри, и снаружи будет. Если все так будут жить. А пока только приблизилось. И то не для всех. Я так разумею.

– Толково. У него услышал?

– Понятно – от него. Не от рыбы же в лавке.

Из синагоги давно все вышли, кроме Авдея и старейшины. Наконец Авдей пришёл в себя и появился в дверях, оглядываясь по сторонам и щурясь от солнца. Подошёл к назорею и протянул руку. Они говорили.

Иуда прервал молчание:

– Смотри, а Авдей-то присмирел. На пользу ему пошло. А то чуть что, так он первый в драку. И горластый был очень, глаза навывкате.

Назорей в сопровождении Симона и ещё нескольких рыбаков пошёл по главной улице.

Левий – вниз по дороге. Пройдя немного, обернулся к Иуде и Иосифу:

– Пойдём за ним. Видите, они в дом Симона пошли. У Симона там тёща, который день в горячке, если не померла.

Назорей с Симоном, Андреем и ещё человек пять вошли в дом.

– Ага, шумят. Тёща, кажется, встала. Никак, он чудотворец – даром, что ли, обет принял? А я до него назореев-то не видал. Он откуда и как его зовут? Иуда, что молчишь?

– Зовут Иисусом. Сам, по слухам, из Назарета. Мать у него там и братья, а отец умер. Иосифом звали. У меня родственница из тех мест.

– И что там?

– Да я и расспросить-то не успел. Говорит, ничего особенного, обычный плотник. Только он ещё обет назорейства принял. А ещё недавно ходил в Иудею на Иордан, к Иоанну, крестился от него. Вот только вернулся, и из Назарета – сразу в Капернаум. Здесь у него теперь несколько учеников: братья Зеведеевы и Симон с Андреем.

Постепенно народ расходился. Назорей остался в доме Симона.

Иуда отправился к сестре, Иосиф с Левием пошли домой. По дороге зашли в лавку, посмотреть, всё ли в порядке. Придя домой, услышали, как женщины громко и быстро что-то говорят, явно не слушая друг друга. Громче всех был голос Сары, жены Левия. Когда мужчины вошли, все мигом смолкли, как по команде. И после паузы Сара затараторила той же громкостью и скоростью, обращаясь к мужу и свекру одновременно, не разделяя речь на смысловые отрезки:

– Я была у соседки. Вы слышали, что у нас творится? Появился назорей, родственник рыбаков с Базарной. Он исцелил у них тещу. Из Авдея бес вышел. Я с Заной собираюсь к ним после захода солнца. Они никак маленького не зачнут. У меня суставы ломит. Ги́ла с нами идёт, у неё...

Иосиф и Левий, одновременно:

– Да замолчи ты!

Сара замолчала.

Левий, спокойно:

– Ладно, иди, потом расскажешь.

II Его воробейшество

Из дневника С. А.

Хожу взад-вперёд перед входом в монастырь. Зубы стучат. Вспомнился культовый сериал «Игра престолов» с так и неразгаданным до конца церковным иерархом Его Воробейшеством. Был ли он искренним бессребреником, готовым умереть за веру, или циничным интриганом и властолюбцем? Ответа нет, потому что результат был бы одинаковым в обоих случаях. Публика к такому не привыкла, ей хочется ясности. Но историческая суть теократии и власти папы была передана гениально точно и кратко. Хорошая работа.

За такие... Столько денег! С такими деньжищами можно и чёрта представить ангелом и заставить его петь Ave Maria. В голове закрутилась рифма на мотив из старого советского мультика про бременских музыкантов:

– Воробей, не робей,
Дай мне денюшку скорей.
– Эй, где стража? Готовь пушку.
Если видишь вора, бей.
Взять его на мушку.

Нужно быть осторожней. Его Воробейшества устроены одинаково – узрят во мне своим прозорливым оком растратчика и еретика и прибьют, моргнуть не успеешь.

11.30.

– Ваше Святейшество, благословите. Ваше Святейшество, разрешите представить Вам восходящую звезду российского кинематографа Сергея Арта...моновича Левого.

– Левий, Сергей Афанасьевич, Ваше Святейшество.

– Да-да, Бог благословит.

– Я хотел сиро...

– Постисься? Вот тебе шоколадка от меня, чёрный плиточный шоколад, не скоромный. Постись, детка, постись – это и телу, и душе вспомоществование. Как молодёжь? Постится? Ну, хорошо, хорошо. Да, вот фильм сняли наши братья. Они заблудшие, а фильм хороший, заряжает очень. Фильм Гибсона «Страсти Христовы» смотрел? Нет? А зря! Посмотри. Без духа всё приходит в спокойствие, затухает. Нам нужен новый взгляд, свежий, нам огонь нужен. Нужно молодёжь встрепенуть, обратить их взор к небу, от гаджетов оторвать их нужно. Берёшься?

– Да-а я-я, как-то...

– Ну вот и молодец. Бог благословит.

Прошла неделя. Я и Маргарита дома. Маргарита собралась на работу, я ещё в постели:

– Мне приснился странный сон.

Куда делся телефон?

Маргарита:

– Он у тебя под подушкой

кудахчет, как несущка.

Держи, тебе смс-ка из Сбера.

Кота накормит баба Вера.

Ухожу, не забудь, цветы полей.

Я:

– Хм, здесь, кажется, пара лишних нулей.

В тот же день вечером, после работы. Маргарита занята на кухне, я в домашних тапочках и халате:

– У нас Библия в доме есть?

– Господи! Ты услышал меня! Прозрел, зайчик мой прозрел.

– Да нет же, прости, Марочка. Мне Библия – для работы. О, какая габаритная, – я даже крикнул, принимая от жены тяжёлую, красиво изданную Библию в кожаном перелёте и серебряном окладе. – Спасибо. С такой толстухой мне бы только сладить, мы с ней что-то обязательно родим.

– Там ничего нового для тебя – Тора и книги ваших пророков, и Новый завет в конце. С первой частью ты же с детства знаком? От бабушки. Не притворяйся, что у тебя намечается увлечение прекрасной незнакомкой.

– Да это были детские бабушкины сказки, я и не помню их все. А здесь такой объём.

– Да? А сколько с ней, с этой, как ты сказал, толстухой ты вечеров в постели провёл? Забыл? И, кстати, предпочитал её мне, а потом объявил себя агностиком и задвинул куда-то. Ты хочешь и со мной теперь так?

Маргарита надула губки.

– Прости, Марочка, нет времени. Я пойду, полистаю.

– Ладно, тогда читай с конца. Туда ты никогда не дочитывал. Но не допоздна.

Маргарита колыхнула формами и поплыла в спальню.

Глава 3

Спор о любви

Материалы сценария.

Карандашом надписано:

Эпизод 1. Спор о любви. Синоптики (Матфей, Марк, Лука) против Иоанна.

А я говорю вам: любите врагов ваших. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? (Матфей).

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за любящих (φίλων) вас [друзей своих – синод.] (Иоанн).

Площадь Капернаума. Несколько пожилых евреев стоят возле лавок с товарами и беседуют. В отдалении, у рыбацких лодок на берегу озера шумит толпа.

– Слышал, Еремия? В городе только и говорят о назорее. Один исцелённый, Захаром назвался, якобы был прокажённым. Он из Кесарии.

– И что с ним?

– Да он здоровый, только в лохмотьях. Иисус его едва коснулся...

– Так нельзя же, он нечистый, – Еремия был совсем стар, но едва не подпрыгнул. – Где закон? Где закон?

– Ну что ты руками машешь? Как гусь... А если он сразу очистился? Тогда что? Иисус коснулся ещё прокажённого или уже чистого? А-а?

– Это к учителям, это не к нам. У книжников спрашивай...

Еремия только рукой махнул и дальше молчал. Остальные продолжали судачить:

– Да что вы комаров отцеживаете? Захар сам его умолял: если любишь, говори, имеешь силу меня очистить. А любовь выше всех правил – так назорей учит.

В этом месте С. А. поставил пометку карандашом: (в синод. *Εαν Οέλης* – переведено с греческого, как «если хочешь», а не «если любишь»),

– Любовь, любовь... Как будто любовь даст силу. Да и как любить всякого встречного да поперечного. Кто он Иисусу? Чудо Бог сотворил! Захотел и сотворил, и всё!

– Бог! Но за любовь Иисуса и по вере этого несчастного.

– Да просто дар у назорея – исцелять, вот и всё. При чём тут любовь? И вера?

– Целителей у нас много, и от горячки лечат, и от иной какой хвори...

Говорили все почти одновременно, так что и разобрать было нельзя, кто что сказал.

– Да, лекарей много. Но чтобы от проказы исцеляли – я такое только от стариков слышал, да в синагоге из закона о том читали.

– А деньги берёт?

– Нет! Он проповедник. Или пророк. Но учение у него странное.

Видно было, что эти слова всех заинтересовали. Группа сразу окружила говорившего, которого звали Саввой.

– И что за учение? Опять против римлян?

Савва приосанился. Он явно был склонен поговорить о серьёзных вещах:

– Вот раввины говорят, что нужно любить своих, ближних – то есть родственников, друзей, и вообще всех, кто верит в единого Бога... э-э, всех евреев, то есть, братьев наших, – подвёл черту Савва.

– Так мы... как большая семья. От отца Авраама ещё. Так и есть, что не так?

Савва дал рукой знак помолчать и продолжил:

– Нас как узнают среди эллинов и персов и даже египтян? По тому узнают, что имеем любовь меж собой. Где ни находимся, еврей еврею помогает. Да у нас высшее благо душу

положить за друга. Мне мой ребе Рашаба так и говорил: «*Нет больше той любви, Савва, как если кто положит душу свою за друзей своих*». А Иисус знаешь, чему учит?

– Чему?

– А что ближний – это любой, кто рядом и кому сейчас нужна помощь. Хоть враг Бога, хоть Израиля, самарянин любой. Любите, говорит, врагов, а не только друзей. Любить тех, кто вас любит, легко, говорит. Таким путём все идут, и язычники. А дорога в царство Божье узкая, нужно быть праведнее фарисеев. Вот его учение. Умереть за такого ближнего, это как? Неужто я пойду умирать за самарянина? – Савва стоял, приосанившись и торжественно уперев руки в поясицу.

– Я больше тебе скажу. Я и за тещу не пойду умирать, хотя она истинная еврейка. Но она мне не друг, а враг. За благодетеля моего, Иуду из Магдалы, я бы пошёл на смерть. Он меня от кабалы выручил, век ему буду благодарен.

В этом месте написано карандашом:

Эпизод 2. Грешники. Про Христа говорили, что *он ест с мытарями и грешниками* (Марк). По Иоанну этого нет.

Как показать грешника, если делать кино? У него что же, на лбу написано? Мытарей вот все знали в лицо, а как отличали грешников?

Если он виновен в чём-нибудь из сих и исповедается, в чём он согрешил, то пусть принесёт Господу за грех свой, которым он согрешил, жертву повинности из мелкого скота, овцу или козу, за грех, и очистит его священник от греха его (Левит).

В сторону моря через площадь прошло ещё несколько человек. Один из беседующих, Анания, бодрого вида старик, махнул рукой в сторону проходящих:

– Вот скажите мне вы, убелённые сединой. Этот Иосия, сколько его помню, ни разу не ходил в Иерусалим на праздник. Что, у него нет грехов? Так он хоть одну жертву за грех принёс за последние семь лет? Нет. Он грешник. Грешник закоренелый. И таких сколько? Да половина у нас здесь. Так они все там на берегу: и мытари, и блудницы, и грешники. А некоторые и одежды эллинские не стыдятся носить, чтоб уж точно все знали, что они грешники.

– Ты прав, Анания. И как же назорей может с ними хлеб преломлять?

– Как? Так он говорит, что они впереди фарисеев идут в царство Божие. Что это? Воистину, мне его не понять.

– Ага, трудно, да-а... Вот сказано же: если согрешил, принеси жертву. Да хоть голубей. И тогда все видят, что Бог простил тебя. Ещё согрешишь, так ещё пойдешь, принеси жертву. А Иисус что? Говорит – жертвы бесполезны. Что пользы, если все теперь тебя считают цадиком, а ты внутри не переменялся и не отрёкся греха? А если покаяться, ну-у... там, примирился с братом, то можешь принести жертву. Ну и как я теперь буду отличать добропорядочного иудея? Никак.

Еремия опять возбудился и замахал руками:

– И где закон? Где за-ко-он!?

– А он сам-то жертву принесёт, когда окончит обет?

– Так ему, поди ж ты, не из чего за жертву заплатить. Нищий он. Таких много. Если только кто за него принесёт, тогда острижётся.

Надпись карандашом.

Эпизод 3. Сын человеческий. В синоптических Евангелиях Иисус называл себя сыном человеческим и ни разу не назвал сам себя Сыном Божиим, а у Иоанна постоянно. В чём разница?

Далее зачёркнут целый абзац.

От толпы возле моря отделились две фигуры и направились к дому Симона. Один из беседующих показал на идущих:

– Кажется, Симон с братом. Иисус их сам избрал и ещё нескольких. Они не из тех, кто пришли исцеляться – идейные они, ходят за назореем, слушают его, учителем зовут.

– Ну да, эти двое и ещё сыновья Зеведея. По слову его пошли за ним, когда никто не знал, что он исцеляет. Сейчас-то вон сколько народу вокруг него. Но они после чудес пришли.

На берегу раздались крики, и видно было, как толпа расступилась, образовав круг.

– Пойдём ближе, посмотрим.

Беседующие подошли ближе. В центре на земле лежал приличного вида человек лет сорока. На бороде и в углах рта виднелась пена, глаза двигались из стороны в сторону. Анания спросил:

– Кто это?

– Тувия из Магдалы.

– А что это с ним?

Собеседник повернулся к Анании:

– А тебе зачем?

– Я живу здесь. Имя моё Анания. А ты кто?

– Я Калев.

– Скажи, Калев, что с ним случилось?

Калев вышел из круга и встал ближе к подошедшим.

– Я знаю этого Тувия. Он еврей, но друг эллинам. Они в новолуние едят грибы и скачут на горе.

– На горе?

– Да, перед идолами – танцуют, в транс впадают, беснуются. Всякие там ритуалы у них, ножами колются, как в древности. И ещё считают себя пророками, как Иезавель. Она у них в почете – на небе как будто теперь она, в небесных обителях.

– А зачем он к назорею пришёл?

– Они ждут мессию, но думают, что он родится от Всевышнего и девы, как якобы их Ваал или там Гермес какой-нибудь. Духом сойдёт с неба и воплотится.

Анания затряс головой, явно начиная злиться:

– Ничего не понимаю. Объясни толком, при чём здесь мессия.

– Так Тувия и те, кто с ним, считают Иисуса сыном бога. Он подошел к назорею, словно бы в трансе, и говорит ему: «Знаю, кто ты, сын Бога Всевышнего».

– А тот что?

– А назорей ему: «Выйди из него вон». Тувия тут же и упал с пеной и затрясся. А теперь вот лежит, как мёртвый.

– Подожди, Калев. Запутал ты меня. Сам назорей себя кем считает?

– Откуда мне знать то? Но он им отвечает всегда: «Я сын человеческий».

– И где он сейчас?

– Да в лодке он, у берега. Слышишь, проповедует? Ему здесь и встать негде, задавят.

Подойти ближе к назорею было невозможно. Толпа, многие в лохмотьях, стар и млад, стояли плотным кольцом вокруг невидимого проповедника. Постояв ещё немного, Анания, Еремия и те, кто с ними, пошли по домам, обсуждая виденное.

III

Зачем раввину русская равнина?

Из записок. Израиль. Лето.

Зачем раввину Русская равнина?

Раввин любит Хайфу, Цват и Раанану.

Родина предков. Здесь жарко! Очень! Но при том спокойно и легко дышится.

Не могу пока разобраться с географией. Иисус встретился с Иоанном и учениками в Вифаваре, близ Иордана. Так в Евангелии от Иоанна. Но как он за день добрался до Каны Галилейской? По 65-му шоссе, потом по 71-му получается километров 150. Я «долетел» часа за два с половиной. Пешком по горам, по петляющей дороге, думаю, даже для хороших ходоков – неделя пути.

Здесь, в Израиле, иной раз непонятно, кого больше – туристов или местных. У всех, кто приезжает, голова немного набекрень – в поездках все религиозны. Таковы ли они дома, когда заколачивают деньги?

В отеле познакомился с русским физиком из Базеля, профессором. Надеялся найти трезвого собеседника среди экстатических маньяков, а он оказался креационистом и ни о чём другом говорить не мог. Он один из тех, у кого особенно ярко проявлено содружество в одном черепе совершенно несовместимых взглядов. И он не испытывает от этого никакого дискомфорта! Меня всегда поражали такие люди. Итак, он втянул и меня в эту бесплодную дискуссию о сотворении мира и человека. Впрочем, не совсем бесплодную. Звали его Альберт.

Решил записать разговор в общих чертах.

После традиционной для этой темы перетасовки археологических, геологических и прочих научных и ненаучных фактов и их интерпретации разговор возвратился к началу, то есть к Библии:

– Альберт, послушай. Я хорошо знаком со всей этой аргументацией и некогда даже старался удержаться на вашей стороне. А ты не пробовал, забыв все догматы, прочитать первоисточник?

– Какой первоисточник?

– Библию, Библию. Там образный язык – он понятен из разных культур и эпох. Там Бог говорит: *Да произрастит земля зелень, да произведёт земля душу живую*. Не сам он, а земля, как соавтор. А разве не это мы наблюдаем в эволюции? Совсем не так, как писал Василий Великий в своём знаменитом Шестодневе – в мгновение ока. Мол, земля произвела живое, как мыши, по его мнению, рождаются из пыли. Весь креационизм родился из этой пыли Василия, из той эпохи невежества. Не в укор ему. Но Бог не факир, ему эффекты не нужны.

– Но там же прямо написано – всё сотворил Бог в шесть дней.

– Это не в обычном смысле дни, они начались ещё до создания светил, если помнишь. Потому так и сказано: назвал Бог свет днём, а тьму ночью. Когда есть свет, всё видно. «Видно» – это, прежде всего, относится к видению ума. До сотворения живого ни одному наблюдателю, ангелу, скажем, если ты в них веришь, в голову бы не пришло, что молекулы можно так сложить, что из них родится жизнь. Нельзя помыслить то, чего нет. Этого слоя реальности ещё не было, жизни не было. Её появление – дар Бога, чудо.

– А вот с этим я полностью согласен.

– Не спеши радоваться, Альберт. После чуда земля рождает всё многообразие жизни эволюцией – не только борьбой за существование по-дарвиновски, а разными путями. Так вот, рождение жизни – это свет, который открывает бесплотным умам Творца. Почему? Потому что всему воинству небесному стало после сотворения жизни очевидно, что Бог есть. Они

увидели его умом, в умном свете: Бог есть! Это день. А эволюция прячет затем акт творения покрывалом из естественных процессов и делает его невидимым. Это уже ночь. И так раз за разом.

– Но разве умные силы не лицезрят Бога всегда?

– Бог для них так же невидим, как и для нас. Он достигается верой, когда ночь. А днём всем видно, что мироздание, жизнь, человек – всё это создано Богом. Только в этом смысле они его лицезрят. Мы тоже предстоим пред лицом Божиим, но вы понимаете, надеюсь, что это не буквально.

– С этим я соглашусь. Но почему же наступает ночь? – нужно отметить, что Альберту поначалу понравилось объяснение шести дней и ночей в Книге Бытия. Как учёный, он привык рассматривать разные гипотезы и не отметать их с порога.

– Любое чудо со временем становится обыденным и объяснимым, день проходит, наступают сумерки, а потом и темнота. В наше время, например, большинство, как Лаплас, не нуждается в гипотезе Бога. Это ночь. Так повторялось несколько раз, когда умные силы колебались в вере. Они смотрели на мир и не видели дел Творца.

– Да, было падение среди умных сил: треть из них увлёк дьявол.

– Им казалось, что их же предыдущие восторги – от невежества, а всё мироздание объяснимо и без Бога. Это ночь. И вот опять новый день, появление разумного существа из праха, из всё той же земли, преобразованной эволюцией, поколение за поколением в нечто, достойное стать человеком.

– Опять. Но ты же сам сказал, что творение разума – это чудо, свет Творца. Разве нет?

– Верно. Но сосуд создан эволюцией. Homo sapiens сам по себе неразумен, как отдельный индивид он – животное. Умное, но всё-таки животное. Возьми ребёнка, брось его в лесу... Кто вырастет? Волчонок? Значит, разум изначально обретается где-то вне биологической машины? В ребёнка разум попадает извне, так? Кто его создал, этот разум, и где он хранится?

Альберт потрепал Библию в мягком переплёте, которую он всегда носил с собой, по крайней мере здесь, в Израиле, и сказал:

– Пожалуй, соглашусь. Разумное мышление, культура и знания – сначала в маме с папой, в книгах, в языке, во всем обществе. Но как это возникло? Я имею в виду, как получилось, что разум обобществлён? В одном отдельном существе, в Homo sapiens – ум животного. Это так, я согласен. А когда мы едины, то вместе имеем разум, который затем проникает и в каждого из нас, становится неотделим от каждого. Так?

– Вот-вот, курица или яйцо. А теперь представь, что живописи не было и художник впервые в мире написал картину, да ещё прекрасную. Кого бы это не потрясло? И кто бы мог подумывать, что можно отражать великолепный мир на холсте? Но, рассмотрев кисти, краску, движение руки, наносящей мазок, кто-то подумает, что в этом нет ничего невероятного. Хотя до появления живописи о ней нельзя было и помыслить. Так и с разумом, отражающим мир. Задним числом наука может объяснить, как мёртвая материя соединяется в нечто совершенно новое, что мы называем жизнью. Она видит последовательность событий, причин и следствий, приведших к жизни, а потом и к разуму, но не хочет видеть руку Творца. Она не понимает всю невозможность придумать несуществующее. Особенно свободный разум, восседающий на материи, законах, причинах и следствиях, – на том, что детерминировано и не имеет свободы.

– Почему нельзя? Я могу придумать всё.

– Все? Попробуй придумать хоть что-то, что не состоит из известных понятий и вещей. Ум этого не умеет. Он только открывает то, что уже есть, и комбинирует.

– Какого чёрта! А компьютер?

– Комбинация существующего... Хотя оригинальная. Человек ведь образ Творца. Человек может творить из существующего. И подражать. Робот – плохое подражание живого, ком-

пьютер – разума. Но что за чудо – первый разум из материи, из атомов! Даже представить его было невозможно до того, как он появился.

– Согласен, согласен. Я возражал и себе тоже, скорее, чтоб утвердиться... – Альберт привстал. Ему нравилась наша беседа.

Я продолжил:

– Разумная материя! Материя в руках Творца приобретает любые формы, но мы не видим Его работы. Мы видим цепочки причин и следствий и не понимаем, что материя движется к цели, указанной Творцом. Разве может червь, копающийся в глине, представить и поверить, что из глины можно сотворить прекрасный сосуд, а из земли – цветок?

Альберт задумался. Видна была внутренняя борьба.

– Нет! Нет! Эволюция исключена! Я, конечно, согласен с тем, что был замысел творения, его цель... и даже, что материя движется к цели. Но к цели, указанной Богом. Она просто движется... без создания новых форм.

– Так думали саддукеи. В том-то и дело, Альберт, что начальные условия и законы не жёстко определяют конечную точку: есть ещё неопределённость. Поэтому материя пластична и подчиняется духу. Сначала Бог ставил цели земле, указывая, что ей произвести, – ты сам читал об этом в книге Бытия, – и эволюция подготовила форму, способную стать разумной. Вдохнув в неё дух, Бог создал человека и задумал подчинить вселенную ему, как и сказано в восьмом псалме, а Сам почил от дел. Человек научился в раю менять вселенную, возделывать сад, ставить цели самостоятельно и достигать их.

– Эволюция? Комары там всякие, паразиты... Бр-р-р... Откуда они? Это замысел? Это цель? Нет, это ошибки, следствие греха... Так что... Если есть законы, то как достигнуть цель, стоящую в стороне от цепочки причин и следствий? Тем более, если цель ставит человек? Кто он такой? А эволюция вообще не имеет цели! Она неразумна. Какая у эволюции цель? Эволюция – это движение к хаосу. Траектория движения материи задана законами и не обязательно ведёт к цели. Так что... Мы возвращаемся к акту творения. Все цели были достигнуты моментно – актом творения. Вернее, дней творения шесть. Но никакой эволюции!

– Тебе не нравятся комары, паразиты, хищники, смерть, страх? Мне тоже. Но человек пал, и земля покатила без цели, как мы и видим её сейчас, – она произвела волчцы и плевелы, гнус, болота, а затем пустыни, потеряла разнообразие видов.

Альберт задумался, и мне показалось, что он опять поколебался и был готов отступить от жёсткого креационизма. Но я ошибался. Спор ещё некоторое время возгорался и затухал.

– Появление человека – это новый день, это свет, в котором видно Творца, – сказал я, подводя черту под темой сотворения человека. – Без Творца не могло возникнуть то, чего нет и что невозможно представить. И опять вечер и опять ночь. Это уже то, что мы видим. А будущий день ещё не настал. Это день творения новой вселенной, нового неба и новой земли. Таковы поэзия и образы книги Бытия.

Альберт яростно спорил с тем, что материя участвовала в творении, меняясь эволюционно. Я здесь не привожу его доводы, они из набора всем известных. Потом мы перешли к теме жизни вообще, и Альберт спросил:

– До человека была сотворена просто жизнь. Чем, по-твоему, животные или растения отличаются от камней?

– Раньше спорили об этом, писали. Но так ни к чему, кажется, не пришли. Пригожин придумал порядок из хаоса. Помнишь такую модель – бруссельатор? В потоке свободной энергии, в процессе увеличения энтропии, случайно образуются структуры, которые сопрягают этот процесс с противоположным, но меньшим по энергии. Они уменьшают энтропию внутри за счёт увеличения снаружи и так поддерживают свои структуры, которые растут и выживают, конкурируя между собой. Ну и вообще – ещё много есть у Пригожина в этом духе. Это ты должен знать.

– Всё это как-то... Я бы сказал, натянуто. В смысле приложения к жизни. Конечно, это неплохое описание, но...

– Я того же мнения. Мы интуитивно различаем живое от неживого. Законы живого не вывести из молекул. Так же как законы макромира – из квантового мира. Эти слои материи разделены разными характерными временами, разной скоростью процессов, и потому между ними есть разрыв причинности – сингулярность своего рода.

– Ну-у... Так ты сам креационист – правда, своеобразный. Жизнь – это дар Творца, это так!

– Именно так. И главное свойство животной жизни, которое мы можем ухватить и описать, – это способность отражать внешнее, то есть создавать образ внешнего в своей внутренней структуре и формировать реакцию, рефлекс на внешнее, на раздражитель с помощью этого образа. Живые структуры рожают внутренний закон, алгоритм, определяющий индивидуальный ответ, а не просто подчиняются общему закону, как весь физический мир. Это главное, что отличает живое от неживого. Живое стремится стать свободным от внешнего принуждения, от закона природы, создавая свой индивидуальный внутренний закон.

– Но и нейросети построены на самообучении и формировании индивидуальной реакции.

– Да, именно. Это подражание живому, но в очень узком диапазоне реакций. А жизнь – это тотальное формирование индивидуальной реакции, во всех аспектах. Это свойство даже отдельной клетки, амёбы какой-нибудь. Она учится отползать от опасности, размножаться, когда нужно, сжиматься, экспрессировать разные наборы белков, запасать энергию и прочее-прочее. Живое в ходе развития научилось формировать индивидуальные реакции и тотально заполнило этим свойством всё, где это даёт преимущество выжить.

– Опять...

– В неживой материи законы общие, универсальные, не отличающиеся от объекта к объекту. А живой организм – это субъект, подобный целой вселенной. Он создаёт для себя внутренний закон, рефлекс – на основе индивидуального опыта взаимодействия со средой и для ответа на все возможные внешние воздействия.

Ещё в бытность молодым ученым я любил читать Библию. Ещё тогда меня удивляло, сколько открытий приносит просто внимательное чтение. Я никогда не любил держать в моей голове взаимоисключающие идеи, считая их одновременно истинными. Наука отдельно, Библия отдельно – это не для меня.

Мы ещё некоторое время посидели. Я выговорился и настроился теперь слушать, но Альберт всё больше молчал, наконец совсем насунился, и вскоре мы разошлись по номерам.

Глава 4

Кто ангел Завета?

Материалы сценария.

Надписано карандашом:

Вопрос, кто назван в Евангелии ангелом (посланником) завета: Иисус или Иоанн Креститель? Посланник заключает завет... Кто ещё? Значит, Иисус! Почему говорят про Иоанна?

Эпизод. Ангел (ἄγγελος греч. – посланник, вестник) Завета. В синодальном переводе Евангелия стоит «ангел», а у Малахии на иврите – «посланник».

Начало Евангелия (благой вестии) Иисуса Христа, сына Божия, как написано у пророков: вот, я посылаю ангела (посланника) моего пред лицом твоим, который приготовит путь твой пред тобою (Марк).

Вот, я посылаю посланника моего, и он приготовит путь предо мною, и внезапно придёт в храм Свой Господь, которого вы ищете, и посланник завета, которого вы желаете; вот, он идёт, говорит Господь Саваоф (пророк Малахия).

Капернаум. Во дворе синагоги в субботу после молитвы. Беседуют Наум и Миха.

– Шалом, брат Наум. О-о, сегодня даже калеки приползли. Давно не видел такого рвения к молитве.

– Шалом, Миха. Здорова ли невестка твоя? Жена моя справлялась о ней.

– Да, слава Всемогущему, горячка прошла у неё. Смотри-ка, сколько народу на Иисуса пришли посмотреть и послушать. Но больше всего-за исцелением.

– А-а. А о чём спорят?

– Назар, главный из фарисеев, речь держал. Выражал сомнения об Иисусе. Ну, они – мужи учёные, знают поболее нас.

– И что сказал?

– Говорит, странно всё. Исцеляет, а субботу нарушает. С мытарями и эллинистами трапезничает. А они на праздники не ходят в Иерусалим и жертвы не приносят. Грешники, одним словом. А ещё паралитика исцелил, но притом заявил: прощаются тебе грехи. Много на себя берёт.

– А что ещё говорят?

– Говорят, выглядит всё так, будто бы Бог с ним, но при том он нарушает закон, так что наши мудрецы никак не разберутся. Вот, пришли посмотреть, не исцелит ли в субботу. В прошлый раз калеки все к темноте только собрались к дому Симона, по окончании субботы, а теперь уже и не дожидаются. При свете приходят. Так дело пойдёт, о законе скоро и не вспомнят. Старейшины волнуются.

– Ну так, если исцеляет, значит, и Боге ним?

– Вроде так. А закон нарушает. В том и вопрос.

К говорившим присоединился Анания:

– Люди говорят, что он из одной блудницы семь раз изгонял бесов. Изгонит, а она опять к нему: «Я знаю, кто ты. Ты сын бога». Он ей запрещает, она падает с пеной, а на следующий день всё снова.

– Да, знаю её. С ней ещё несколько человек пришли, родственники.

– Она блудница, с эллинами жила. Они богатые, дарили ей много чего и божков своих. Она назорей одним из них почитала, пока он не выгнал из неё эту мерзость эллинскую. Теперь вот присмирела, ходит за ним везде.

Еремия подошёл позже других и пока стоял молча. Это была его любимая тема последнее время-обсуждать дела назорея. Поняв, о чём речь, он присоединился к разговору:

– Таких к нему часто приводят. Это они у эллинов научились.

– Говорят, они едят что-то, чтобы дух в них входил, потом падают на землю и трясутся. А некоторые скачут с бубнами и потом лежат как мёртвые. Получают, будто бы, откровения от своих богов. И на могилах спят, чтобы мёртвые им открыли будущее.

– Ага. Я тут видел одного, – поддержал Еремию ещё один местный, вышедший из синагоги. – Его привели аж из Кесарии. Он часто впадает в трясучку. Его подвели к Иисусу, так он задергался так, будто назорей его главное божество. Пока Иисус не приказал ему умолкнуть, всё кричал: «Сын божий, сын божий».

– Для них всё, кто творит чудеса, либо боги, сошедшие с небес на землю, либо сыны божии.

Кружок беседовавших увеличился, но говорили больше Анания с Еремией, остальные вставляли реплики. Солнце припекало, начали расходиться. Анания и Еремия жили рядом и пошли вместе, продолжая разговор:

– Вот и говорят, что он силой дьявола исцеляет. А нет разве? – Анании хотелось подзадорить собеседника.

– Ты что? Знаешь, что он бесноватым отвечает, когда они падают перед ним?

Еремия изогнулся и проблеял мерзким голосом, подражая бесноватым: святой божий, святой божий.

– Ну?

– Я, говорит, сын человеческий. Это чтобы никто не подумал, что он согласен с ними. Его фарисеи обвиняли: мол, ты заодно с одержимыми. Но потом замолкли. Все уж знают, что для Иисуса нет Бога, кроме Бога Авраама. Он называет его Отцом нашим небесным.

Анания остановился:

– А почему так называет? Мы – рабы Божии, а не дети. Сыны Божии – это ангелы.

– А ещё Соломон или Давид... Про них сказано, что Бог им Отец. И... кажется, до потопа потомков Сифа звали сыновьями Божьими, – Еремей явно помнил Писание лучше соседа.

– Э-э, – только и смог сказать Анания.

– А ты помнишь, у нас книжник был из Иерусалима. Он приходил послушать Иисуса. Как же его звали, забыл...

– Иосиф, кажется. А что?

– Да, Иосиф. Я спрашивал у него про это. Он всю Тору и пророков знает. И знаешь, что он мне ответил?

– И что?

– Он мне из пророка Малахии прочёл. Сейчас вспомню... я специально заучил, слушай: *Не один ли у всех нас Отец? Не один ли Бог сотворил нас? Почему же мы вероломно поступаем друг против друга, нарушая тем завет отцов наших?* Так вот, Анания: Бог – Отец всем нам.

– Значит, Иисус говорит как пророк? Так он пророк?

– Ну, да. Напоминает то, что мы стали забывать. Бог – Отец наш.

Помолчали. Еремия побряхтел и остановился. Дышалось тяжело.

– Мне Иосиф ещё кое-что растолковал из Малахии. У него есть про Машиаха пророчество. И там то же, что и про Моисея в Торе сказано: *Вот, я посылаю посланника моего, и он приготовит путь предо мною, и внезапно придёт в храм свой Господь, которого вы ищете, и посланник завета, которого вы желаете; вот, он идёт, говорит Господь Саваоф.*

– Ты и это запомнил?

– Запомнил, и что?

– А разве это не про Иоанна Крестителя? Про него так все говорят.

– Про него тоже. И Иисус так говорил о нём.

– Я знаю, что Бог обещал через Моисея воздвигнуть из нас пророка, подобного ему, который заключит новый завет. Про такого пророка говорит Малахия? Про ангела завета?

– Да, про него, посланника и помазанника. Но Иоанн отказался, сказал, что не он машиах, что посланник завета не он. Он только послан крестить водой. Ещё говорил, что идёт за ним тот, кто будет крестить духом святым и огнём. У Малахии дальше про ангела завета знаешь, что сказано?

– Что?

– *И кто выдержит день пришествия его, и кто устоит, когда он явится? Ибо он – как огонь расплавляющий и как щелок очищающий.*

– Так что, Иисус больше подходит, как посланник завета, чем Иоанн? Он будет крестить огнём расплавляющим? Не водой?

– Спроси, что полегче. Он пророк и исцеляет, и Бог чудеса через него творит. Такие чудеса, что, узнав о них, Иоанн посылал к нему учеников спрашивать, он ли тот, кого все ждут?

– Ну?

– Он не сказал прямо. Но и так ясно, что у нас здесь всё закаменело, нет жизни. Иосиф красиво растолковал мне, что перст Божий расплавил камни и написал на них заповеди. Но они застыли, и мы не можем их менять, и держимся буквы. А Иисус словно опять их расплавляет своим учением, как огнём, и пишет на сердце. Мы по-новому понимаем слова Божьи, как будто они другие. Они те же, но понимаются лучше, сердцем.

– Когда ты от него всё это слышал? Почему я это не знаю?

– Иисус часто говорит: имеющие уши, да слышат.

Анания и Ефрем беседовали до перекрестка в конце улицы. Дальше была развилка: Ефрему вверх, а Анании вниз, к морю. Они попрощались и пошли каждый своей дорогой.

IV

Я помогу тебе родиться, моя прекрасная жар-птица

Из записок. Израиль.

Я заново открываю для себя Библию. Библия оказалась интересной книгой. Очень интересной! Её легко читать, в ней всё просто, а с другой стороны, она состоит как бы из множества зеркал, в которых отражается всё во всём. Истории иногда совсем разные, а если присмотреться, то случившееся с человеком повторяется с народом, простые события и образы служат притчей, объяснением и часто пророчеством для великих исторических перемен.

Вот, хотя бы, пример: Иаков возвращается в дом к отцу Исааку после службы Лавану за дочерей, которых взял себе в жёны. Лаван был несправедлив и нещадно использовал Иакова. Бог, благословивший отца и деда Иакова, помог ему разбогатеть и уйти от Лавана. На берегу реки Иавок, за которой его ждали опасности, Иаков ночью боролся то ли с Богом, то ли с ангелом, говорившим от имени Бога, и повредил в борьбе ногу и стал хромать. Бог дал ему имя Израиль, что значит «тот, кто боролся с Богом». Спустя много лет народ, названный его именем, также оказался в рабстве и, выходя из Египта, получил от бывших господ золото во множестве. Но потом народ стал противиться Богу, как их праотец, и также не перешёл Иордан после египетского рабства и многих чудес, испугавшись опасностей. Бог за это водил народ сорок лет в пустыне, а они хромали на обе ноги, поклоняясь другим богам. События с Иаковым оказались пророчеством о народе Израиля. Находить эти отражения, образы одного в другом – увлекательное, надо сказать, занятие, это своего рода интеллектуальная игра. Я думаю, у неё есть фанаты. Но об этом как-нибудь потом.

От Марка – наиболее простое и цельное Евангелие, и первые слова в нём, как в книгах пророков: *Начало благой вести Иисуса Христа, сына Божия*, и дальше там про крещение Иисуса. У Матфея и Луки крещению предшествуют обстоятельства рождения Иисуса. Но от Марка – лежит в основе этих двух. Так говорят библеисты. От Иоанна – стоит отдельно, оно, как считается, самое мистическое и возвышенное. Так что первые три, в отличие от Евангелия Иоанна, назову «рыбацкими» Евангелиями – реальными их авторами, кроме Матфея, были рыбаки, ставшие апостолами. Марк и Лука только собрали и записали их свидетельства.

Читаю Евангелия глазами режиссёра – профессиональная привычка. Чем дальше, тем интереснее. У Иоанна вообще нет ничего о крещении Иисуса и о его искушении в пустыне. Принципиально! Это не потому, что Иоанну, писавшему позже всех, не было смысла повторяться. Здесь другое – Иоанн спорит с рыбаками о чём-то важном, более важном...

Продолжение.

Зашёл в храм Космы и Дамиана на Покровке. Что меня цепляет, так это пение. Я даже не говорю о византийском, где есть четверть-тона. Это вершина и действует на подкорку. Но и наше многоголосье – как оно берёт за душу! А когда поют верующие, да ещё консерваторские! Не люблю профессиональный церковный хор – лучше, когда поют профессионалы, но по зову сердца.

Ещё раз к Иоанну. Иоанн Богослов считает каждый день от встречи Крестителя с Иисусом. Вот как у него всё описано в первой главе. Приходят фарисеи спрашивать Иоанна Крестителя, почему он крестит. На следующий день Иоанн впервые видит Иисуса и указывает на него: вот тот, которого я не знал, но над которым увидел духа, как голубя. Ещё через день Иоанн стоит с учениками, опять видит приходящего Иисуса и указывает на него ученикам, называя его сыном Божьим. Иисус в этот же день приводит учеников домой, на следующий находит Филиппа и Нафанаила и собирается в Галилею, а на третий день после своего появления перед Иоанном и учениками он уже в Кане Галилейской.

Где его дом? Рядом с местом, где крестил Иоанн? Странно... И как он потом добрался до Каны за пару дней? Вопросы, вопросы...

Вот что важно. Важно! Можно спорить, почему Иоанн Богослов не упомянул про крещение Иисуса. Я-то уверен, что он сделал это намеренно: из контекста совершенно ясно, что крещения не было! Но об этом можно спорить. А вот сорок дней, которые Иисус провёл в пустыне после крещения до прихода в Галилею, не просто выпадают из повествования Иоанна – их некуда вставить. Некуда! Невозможно!

Я уверен, что этот пересчёт дней приведён им в Евангелии специально, чтобы исключить саму возможность искушения Иисуса в пустыне. Иоанн не просто дополняет остальных евангелистов – он нарочито и рьяно спорит с ними. Он уверен, что искушения Иисуса в пустыне не было и быть не могло! Так же, как в его дискурсе невозможно крещение Иисуса от Иоанна. Иоанн крестил в покаяние! Но в чём каяться Слову, которое у Бога?

Иисус говорил истину: *Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным*. Желание устранить искушение Иисуса привело Иоанна Богослова к географической ошибке: расстояние между переправой (Вифавара), где крестил Иоанн, и Каной Галилейской не преодолеть и за неделю, а он выделил на это меньше трёх дней. Вряд ли это казалось Иоанну важным. Он не мог предположить, что через сотни и даже тысячи лет кто-то будет копаться в развалинах, оставленных римлянами после Иудейской войны, и составит карту. В те времена более вероятным казался скорый конец мира.

Продолжение.

Подозреваю, дело в том, что главная идея Евангелия от Иоанна – воплощение Слова. А для воплощённого Слова искушение от дьявола и крещение во оставление грехов – это нонсенс. Это пока гипотеза. В рыбацких Евангелиях идея воплощения совсем не просматривается. Неужели в этом всё дело? Они что же, по-разному понимали пришествие Христа? Мне нужен консультант по Библии. И читать, как можно больше читать.

Продолжение.

Звонила Марочка. Кажется, подозревает, что я завёл здесь роман с какой-то горячей, чернявой и богатой еврейкой. Верит, что у меня зов крови. Я считаю, что у русских, в том числе у русских евреев, его почти нет. Русские могут объединяться вокруг какой-то идеи, поэтому за границей они не кучкуются по крови, а легко ассимилируются. Считают, что такая разобщённость – недостаток. Наоборот. Это свидетельство, что хоть в этом удалось оторваться от животных. Россия – одна из немногих стран, где евреи почти растворились в русской культуре и этносе.

К делу.

Евангелие Иоанна слишком похоже на философский трактат. Первые слова – откровение о Боге: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*. Это совсем нехарактерно для Писания.

В Библии любое откровение начинается с преамбулы: в лето такое-то было откровение пророку такому-то. Или ещё проще: *Так говорит Господь*. Известный всем апокалипсис так и начинается: *Откровение Иисуса Христа, которое дал ему Бог...* Получатель откровения должен быть безупречен, чтобы ему поверили, и ясно излагать, откуда и как он получил слово. Иоанн не такой, и он не рыбак, это совершенно ясно. Назову его Евангелие философским.

Продолжение.

Нужно покопаться в этом направлении. Философия рано или поздно изгоняет дух из любой веры. Не задушил ли Иоанн, кто бы он ни был, в своих философских объятиях благовую весть? Мне что-то прозревается здесь, как в предутреннем тумане, какая-то неузнанная или давно забытая драма.

Чувствую, что идея фильма уже стучится где-то в подсознании, нужно помочь ей проклюнуться. Эй, я здесь!

Я помогу тебе родиться,
Моя прекрасная жар-птица.

V

Остановившийся ветер

Из записок. На злобу дня.

Мне вредно читать газеты перед сном. Желчь вбрасывается в желудок, и он начинает раздражаться и ныть. Экономика на полном ходу врезалась в либеральную стену, заботливо построенную правительством и ЦБ. Они так хотели затормозить инфляцию! Теперь мы попали в замкнутый круг рецессии с падающими доходами населения.

Кто в курсе, меня поймёт. Экономика – наука простая: как кормить коня, ухаживать за ним, чтобы ездить на нём. А нынче режиссер лучше понимает этого зверя, чем те, кому положено! Тащите сюда конюха – его нужно пороть.

Впрочем, для горожан у меня другой образ. Экономика разогнала, как хороший паровоз, и тащила за собой кучу вагонов. А машиниста испугала хулиганская вывеска: санкции. И он дал по тормозам. А, может, это «спящие» проснулись? На нас, на творческом классе, их активность скажется сразу, мы будем снимать низкобюджетное кино для умников – в который раз.

Новости – это как сахар. Уму приятно, но от них развивается информационный диабет, если много читать. Потому я занят чтением Писания, философией, историей, погружаюсь в контекст того времени.

Догматы мешают пониманию смыслов больше всего. Они напоминают мне остановившийся ветер. Когда-то он дул в паруса. Теперь Ноев ковчег церкви без паруса плывёт по водам времени, из его окон-икон выглядывают бородатые мужики, иногда женщины в платочках, и всматриваются в нас и в нашу жизнь. В него иногда подсаживают новых пассажиров. Вопрос: куда они плывут, и есть ли там новое небо и новая земля?

Меня всегда интересовал вопрос об источниках откровений. А если эти ребята, авторы Библии, всё выдумали? Кто они, писатели-фантасты или есть всё же реальность невидимая, которая им открылась? А может, они собиратели мифов, которые шлифовались умами и выливались языками поколений до блеска? Уж больно красиво у них получилось.

Теперь о том из четырёх Евангелий, которым все восхищаются. У Моисея первые слова такие: *В начале сотворил Бог небо и землю.* Это откровение о материи, о твари, а не о Творце. А что у Иоанна? *В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог...* Но, простите. Воспевать качества Бога и его дела – это одно, и совсем другое – разбирать, как он «устроен».

Человеческий ум способен исследовать всё, что не выше его: материю и себя. А Бога он призван славословить, радоваться Ему, подражать, смотреть в небо и мечтать, надеяться. Но если ум крепко не держать, он попытается лезть со своим скальпелем на самые небеса. Он будет подпрыгивать, но всё напрасно – нет крыльев.

У Иоанна Бог стал объектом рассмотрения, словно он сам – творение. Философское Евангелие проникло не просто на кухню к Богу, а к нему под одежду, высматривая, какой он там, за покрывалом мрака непостижимости. Это хуже богохульства. Немыслимое для еврея преступление. Скорее всего, Иоанн Богослов был или эллином, или сильно эллинизированным евреем, живущим в рассеянии.

Библия построена на иных основаниях, нежели Евангелие Иоанна. Моисей был *научен всей премудрости египетской.* И Бог, как сказано, беседовал с Моисеем лицом к лицу – что жрецы не знали, он ему открыл. Как это было, описано в его Пятикнижии. Но ответьте мне, кто, когда и при каких обстоятельствах дал откровение Иоанну? Сам он молчит об этом.

Кто открыл Иоанну Богослову тайну о Логосе? Апостолы о Логосе не сказали ни слова. И даже мудрый Павел не ведал, что Иисус – Логос. А Иоанн умолчал, где, когда и как получил

откровение. Зато Филон Александрийский, хоть и не апостол и не видел Христа, но поведал нам о некоем сыне Бога – Логосе. Написал раньше Иоанна.

Евангелия рыбаков – это свидетельства. Что слышали и видели, то рассказали. Что же Иоанн? Его Евангелие начинается с открытия непостижимых тайн из неизвестного источника. Вернее, источник более-менее прослеживается – Филон Александрийский. Так что иоанновские духовные тексты – не откровения от Бога, а философские «открытия» Филона, встроенные в повествование о Христе.

Но нельзя же так писать, как писал Филон! Кто это прочтёт? Только умники? Нахожу, что Иоанн без преувеличения был гений, один из величайших. Он понял, что нужен не философский трактат, а сакральный текст, которому бы поверили, не рассуждая, и который приняли бы те, кто уже знаком с другими Евангелиями. И Иоанн создал такой текст. Он гений, но... выходит, он – злой гений! Или нет?

Нужно встряхнуть университетские архивы в моей головушке. Запылились.

Продолжение.

Иоанн Богослов был невероятно умным человеком. Он не мог игнорировать вопрос об источнике своих «откровений» о Логосе и Боге и оставил намёк сразу после первых строк: *Иоанн пришёл свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали через него.* Итак, всё, что сказано о Логосе, да и вся первая глава подается автором как свидетельство Иоанна Крестителя. Не прямо, конечно. Нет, нет! За язык не схватишь. Ну что же, хитро. И умно, ничего не скажешь – всё приписать такому авторитету. С Крестителем не поспоришь. И поди, докажи, что он такого не говорил.

Продолжение.

Встал очень рано. Возникло желание почитать псалмы. Сердце тосковало без молитвы – что-то новое для меня.

У Маргариты всегда лампада перед иконой. Но у меня внутренний барьер – не могу молиться перед крашеным деревом. Никому, кроме Бога, образ которого не написать ни красками, ни даже воображением.

Вспомнил, как однажды вместе с Маргаритой читали Демона Лермонтова. Она изумлялась:

– Как же это? Тамара, невеста Христова, отреклась от мира, одела власяницу и молилась ночами перед иконой спасителя, проливая слезы и... не устояла, пала. Отдалась инкубу! Кто же устоит?

– Точно не ты! Проверено...

– Ах ты. Ну ка, попробуй... – Маргарита выпятила губку и упёрлась кулаком в свою осиную талию, полупривстав с постели.

– Остынь, остынь. Сама заметила, что Тамара молилась перед иконой.

– Опять ты. Ну при чём здесь икона? – Маргарита начала закипать.

– Ну, хорошо – перед образом человека, писанный он или воображаемый. Порочная любовь всегда примешается к чистой, если женщина молится мужчине... Даже если он – сам Иисус.

– Ах ты богохульник!

– Спокойно, спокойно, Марочка. Вспомни хотя бы католических монашек, до чего они доходили в своём воображении. Истории эти, знаешь ли... раньше восемнадцати я бы не рекомендовал читать. Да и ваши... невесты Христовы.

– *«К моей любви, к моей святыне Не пролагай преступный след».* Вот как за неё ответил ангел такому же демону, как ты, когда он вошёл в её келью. А ещё: *«Дух беспокойный, дух порочный, Кто звал тебя во тьме полночной? Твоих поклонников здесь нет...»*

Маргарита покраснела и говорила пафосно, как с амвона. Передо мной была лермонтовская грузинка молодая. Я с вождением посмотрел на неё... наверное, как тот демон. Да-

а, Маргарита моя вдохновила бы, пожалуй, поэта – красивая, стройная и пылкая. Как же такой не возмечтать в одиночестве о плотской любви к небесному жениху? И она уж не дева, ей ещё труднее устоять.

Ну что ж, мне есть чем ей ответить:

– С образом на иконе уже давно слился демон и стал им: *«Она моя! – сказал он грозно, – Оставь её, она моя! Явился ты, защитник, поздно, И ей, как мне, ты не судья. На сердце, полное гордыни, Я наложил печать мою; Здесь больше нет твоей святости, Здесь я владею и люблю!»* Ангел-хранитель не ведал о её тайной страсти. Он защищал невесту Христову, как ему казалось, когда в келью вошёл демон. Но вдруг ангел увидел, что демон прав, и улетел, как побитая ворона.

– Ты что! Как ты мог так подумать? Ты думаешь, она молилась не Христу? Или... Я запуталась.

– А ты, стоя перед образом, знаешь, кому молишься? Литературному герою из жития? Ты их не знаешь, не видела... только читала о них. Это придуманные образы, не имеющие духа жизни, за которыми рано или поздно встанет демон. Ты не удержишься... как и она.

– Кому же она молилась?

– Тому, кто неясно являлся во сне: *Святым захочет ли молиться – А сердце молится ему.*

– А если она в порыве безумной любви молилась погибшему жениху?

– Точно не ему. Всех земных женихов она отвергла, а о первом не вспоминала. Женихом стал для Тамары Иисус – такой, как она его представляла. Он казался ей небесным женихом.

– В том, кто потом явился Тамаре... в нём был и свет и тень! Это не мог быть Христос! Как она могла спутать? – Маргарита так яростно возражала, что я невольно представил, как она вскочила с кровати и начала бить посуду.

– Спо-кой-но, Марочка... Конечно, явился не Христос! Я о том и говорю тебе. Но молилась она Христу перед образом. Хотя и чувствовала, что её любовь к нему нечиста. *Но, полно думую преступной, Тамары сердце недоступно Восторгам чистым.* Она, если ты поняла, что смутило сторожа перед келью девы юной, ночами отдавалась демону. А когда этот некто явился, Тамара не узнала его и спрашивала, кто он. И, раскрываясь перед ней, вдохновлённый любовью и надеждой демон сбрасывает с себя образ Христа, под которым пробрался к её сердцу: *«Зачем, красавица? Увы, Не знаю!.. Полон жизни новой, С моей преступной головы Я гордо снял венец терновый».*

– Венец терновый...

– В терновом-то венце на иконах и картинах кто изображён? А, Марочка? Вот демон-преступник и снял венец – гордо, без вины за лицедейство. Открылся Тамаре, какой он есть, прямо говоря ей о своей злой стороне: *«Я тот, чей взор надежду губит; Я тот, кого никто не любит...»*

Я взглянул на Маргариту. Гнев прошёл, она была готова слушать, и я продолжил:

– Поэтому он и принял образ того, которого любят. Встал за иконой Иисуса, чтобы не быть отринутым сразу. А теперь от этой своей тьмы он, как ему кажется, отказывается навсегда и искренне, с клятвой, ради любви... *«Клянусь любовью моей: Я отрекся от старой мести, Я отрекся от гордых дум; Отныне яд коварной лести Ничей уж не встревожит ум; Хочу я с небом примириться, Хочу любить, хочу молиться, Хочу я веровать добру».* Но демон есть демон.

– Неужели Лермонтов мальчиком... это пережил? О чём писал? Я про Тамару...

– Ты имеешь в виду любовь к демону?

– Да. Он метался от Бога к... Впрочем, он сам искал пули.

Я молчал. Маргарита забыла про икону, её больше потряс сам Лермонтов.

Маргарита успокоилась. После выброшенной вовне порции пафоса она казалась неприступной и холодной, как айсберг. Мне захотелось проверить, сколько времени потребуется на то, чтобы его растопить. Оказалось, недолго.

VI

Что ещё не так с географией? Тивериада

Из дневника С. А.

Кинерет, Галилейское море или Тивериадское озеро. Интересно, как его называли во времена Иисуса? Вчера уснул прямо под небом на холме. Сейчас смотрю на это место сверху Гуглом:

Жаркий, влажный Кинерет,
Кружок меж губами гор,
Кузнечиков твоих балет
Не забыть с тех пор,
Как, жужелицей став,
Спал, раскинув руки,
На волосах твоих трав.

Посмотрел, как Кинерет описан в Евангелиях. У Луки Кинерет называется Генисаретским озером. Это эллинское название еврейского и ханаанского Кинерета. У Марка и Матфея просто – Галилейское море, или просто – море.

Когда читал Иоанна, ожидал, что у него и здесь будет что-то своё. Он тоже называет море Галилейским, но чаще – Тивериадским. Тивериада, она же Тверия, – один из четырёх священных еврейских городов. Но во времена Христа евреи там не селились и море Тивериадским не называли.

Решил покопаться в исторической пыли – я это люблю, когда бывает нужно для фильма.

Город был скверным для евреев – считалось, что он построен на могилах, на развалинах города Ракката колена Неффалима. Об этом есть у Флавия. Кстати, построен был незадолго до описанных в Евангелиях событий, то есть около 16 года нашей эры. Название дали новое в честь императора Тиберия. Там была резиденция Ирода Антипы, жили эллины, в основном придворные и прислуга – все новые жители. Кругом были идолы и обычная эллинская жизнь: философы, зрелища и каждодневное веселье. Короче, Содом в глазах простых евреев того времени.

Но Тверия была таковой всего двадцать-тридцать лет – перед войной с Римом Агриппа перенёс столицу в Сепфорис. И в городе появились евреи. Жители Тверии не участвовали в восстании и сдались римлянам без боя в 70 году, и потому город остался неразрушенным, в нём одном после иудейской войны евреям не возбранялось селиться, и он на много веков стал единственным городом империи, где евреи составляли большинство.

Так что город из скверного сделался для евреев святым. Сюда перебрался синедрион, йешивы, академия из Иерусалима. Знаменитые раввины похоронены в Тверии. Здесь дописывался Талмуд. Это был центр еврейского богословия и культуры. Здесь была высшая инстанция суда по всем спорам всех евреев в мире. Короче, с 70 года это, по сути, новая столица для всех евреев рассеяния.

Если бы евангелист Иоанн был рыбаком и апостолом, то не стал бы называть Галилейское море Тивериадским по названию скверной языческой столицы. А если он родился на тридцать-сорок лет позже Иоанна, сына Зеведея, и жил в рассеянии, где-нибудь в Азии, то вполне – город уже воспринимался иным. Такая вот у Тверии-Тивериады интересная история.

С Тивериадой связана ещё одна ошибка этого загадочного автора. Он написал, что известное всем преломление хлебов случилось близ Тивериады. Из текста понятно, что в нём

участвовали её жители и те, кто пришёл издалека с Иисусом: на следующий день после умножения хлебов из Тивериады *пришли другие лодки* (то есть уже были лодки из Тивериады) *близко к тому месту, где ели хлеб по благословению Господнем*. Похоже, Иоанн не знал, что в Тивериаде жили почти исключительно эллины! А с эллинами евреи хлеб не преломляли, это было совершенно исключено.

Преломление хлеба – обычай евреев, который передался по наследству христианам и со временем, напитавшись энергиями язычества, превратился из благочестивого обычая за трапезой в мистерию. Ученики же и после вознесения Христа гнушались есть с язычниками. Петра даже упрекали за общие трапезы с христианами из язычников, прибывшими к нему от Иакова, так что он таился и устранился, опасаясь обрезанных. Что поделать – это историческая правда. Иисус так учил: *я пришёл к погибшим овцам дома Израилева*, сначала нужно накормить детей, а потом давать хлеб псам. И заповедал апостолам не входить в города самарянские. А когда один раз Иисус и апостолы попытались переночевать в селении самарян по дороге в Иерусалим, те их не приняли. По Иоанну же Иисус целый город самарянский обратил к Богу.

Всё вышесказанное не отменяет доброго отношения к язычникам: притча о самарянине, исцеление дочери сиропиникиянки... Речь лишь о том, к кому первому послано слово.

Продолжение.

Утро вечера мудренее, говорят. Ясно: у Иоанна – полная путаница в географии Палестины. Здесь разбираться и разбираться. Но я, кажется, нашёл верный ключик: Иоанн Богослов – еврей рассеяния, живший на десятилетия позже Христа.

Но что он за человек? Зачем он взялся править благую весть?

Библия и история поглощают с головой, во всяком случае, меня. Но что-то у меня на сердце неспокойно. Как там моя Марочка? Без её любвеобильности я чувствую себя огурцом, вытащенным из рассола.

Глава 5

Гора Елеонская лучше

Старец привстал с циновки и подошёл к углу хижины, где лежали разложенные вдоль стены свитки. Сверху были более красивые, широкие и ровно скрученные – книги Писания, которые ему подарили когда-то прибывшие из Александрии греки. Они были богаты и сделали такой подарок из уважения к старцу, которого знали не только во всей Азии, но и в Памфилии, и в Ликии, и в Галатии.

Старец вернулся с одним из них.

– Прохор, радость моя. Вот, не помню, – старец хлопнул себя по лбу ладонью. Звук был такой громкий, что воробьи, жившие под крышей, разом вспорхнули и загомонили. – Скажи-ка мне, мы с тобой на прошлой неделе говорили про Вифлеем?

– Да нет, отче. Не далее, как второго дня.

– Ага. Такты тогда мудро ответил, не по годам. Вот тебе ещё одна загадка. Ум у тебя молодой, быстрый. А ну как разберёшься?

Старцу хотелось непременно поколебать Прохора и заставить взглянуть на три Евангелия, которым Прохор верил до последней буквы, с долей сомнения, как на самые обычные истории. Старец Иоанн хотел писать свое Евангелие, в котором была бы видна глубина. Как учил Филон из Александрии.

– Я слушаю, старче.

– Ты знаешь, дитя, что во всех трёх благовестиях сказано, что сразу после искушения в пустыне и взятия Иоанна под стражу Иисус пошёл проповедовать в Галилею. Так?

– Так, отче.

– И ты веришь?

– Истинно так.

– А если в том есть ошибка?

– Но почему, отче? Ведь все трое написали об одном.

– Об одном? А вот Лука написал, что Иисуса не приняли в Назарете, хотя и слышали, что он творил чудеса в Капернауме. А потом он вернулся в Капернаум и исцелил там тещу Симона.

– Ну так и есть. Что здесь не так?

– А то, что по Марку исцеление тещи Симона было едва ли не первое чудо в Капернауме. После изгнания беса. Только став известным, Иисус пришёл в Назарет, родной город. А Лука написал, что теща была уже после Назарета. Если в одном ложь, можно ли верить всему?

Прохор задумался. Старец светился от произведённого на ученика эффекта. Нужно развивать наступление, подумал старец.

– У них написано, что Иисус вышел на проповедь после Крестителя, когда Иоанна уже взяли под стражу. Говорят некоторые, что Иоанн, может, и не знал, кто Христос? Не знал, что Иисус – это и есть Христос? – Старец хмыкнул. – Разве так было?

– Но что плохого, учитель, если два свидетеля расходятся в мелочах, говоря одинаково о главном? Так всегда бывает. Каждый помнит по-своему: Назарет впереди или теща... Это в пользу того, что была и теща, и Назарет. А Иоанн правда не знал, что Христом Бог избрал Иисуса из Назарета и посылал к нему учеников узнать: *ты ли тот, который должен прийти, или ожидать нам другого?*

– Друг мой, так можно всё оправдать, – старец Иоанн иногда обращался к Прохору не как к ученику. – Хорошо. Вот тебе покрепче орешек.

Старец раскрутил свиток и цокнул:

– Кажется, не тот взял. Не вижу уже ничего. Ладно... Помнишь, жёны пришли на гроб Господень, и ангелы сказали: пойдите скорее и возвестите ученикам, что Господь воскрес и предвзает их в Галилее? И сам Иисус, по дороге встретив их, сказал то же. И одиннадцать учеников пошли в Галилею, и он был там. Не помню только, у кого из трёх так...

Старец разматывал свиток. Наконец остановился и хотел зачитать, щурясь своими огромными глазами. Не смог и передал свиток Прохору.

– Вот, зачитай. Кажется, это от Матфея.

Прохор прочитал:

– *Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидев его, поклонились ему, а иные усомнились. И, приблизившись, Иисус сказал им: дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа...*

Старец нетерпеливо слушал, порываясь встать. Наконец, когда Прохор окончил чтение, старец поднял вверх палец, но сам остался сидеть. Палец грозил какое-то время, а затем стукнул по свитку прямо в слова: *иные усомнились*.

– Ага. А вот у Луки всё иначе. У него нигде нет такого – что Господь послал апостолов в Галилею. У Луки так: он, будто бы, явился им сказать, чтобы оставались в Иерусалиме, пока не облечутся силой. Потом они пошли в Вифанию, рядом с Иерусалимом, и там он вознёсся. Не в Галилее! А как было? Ясно, что одно из двух ложь!

Прохор знал наизусть Евангелия, но об этих разногласиях раньше не думал. Его зацепило другое: до чего же дошли доброхоты, что из доброго намерения прибавляли от себя к свидетельствам апостолов?

Прохор так погрузился в размышления, что ничего не слышал, и когда поднял глаза, увидел склонившегося над ним старца, беззвучно открывавшего рот. И сразу, словно уши его отверзлись, воздух прорезался высоким, скрипучим голосом:

– Прохор, дитя, проснись! Проснись!

– Ой. Отче, простите. Что это со мной? А мы говорили про... Да, да. Ангелы сказали жёнам, что Иисус воскрес и велел ученикам идти в Галилею, где будет ждать их. Но жёны боялись и молчали. Когда же рассказали ученикам, им не поверили. Потом Иисус явился двоим, идущим в Еммаус, – и с ними так же. Ученики не верили, что Иисус воскрес, и потому не пошли в Галилею. Где же было быть Иисусу? Он явился им в Иерусалиме и упрекал за неверие, и повелел оставаться в нём, пока не облечутся силой и верой. Так у Марка и Луки. А вот тот, кто добавил к писанию Матфея про вознесение Иисуса в Галилее, думал, что делает доброе дело. Мол, если обещал Иисус предвзает в Галилее, то разве мог солгать? А получилось что?

Старец застыл, слегка приоткрывши рот. Что это? Он не узнавал ученика. Грудь окаменела, и старец не мог вздохнуть. Наконец воздух пошёл, и он произнёс сиплым голосом:

– Так что, по-твоему, Иисус не знал наперёд, что ученики ему не поверят? А если знал... зачем сказал, что предвзает их в Галилее?

Старец закипел, он сжал кулачки и стоял как согнутый лук, готовый порвать тетиву.

– Но... Но, старче. Конечно, он не знал всего. Он же не бог!

Старец схватился за свиток в руках Прохора и потянул на себя, но Прохор отпустил его и проскользнул мимо старца в дверь, крикнув со двора, что скрутило живот и он скоро вернётся.

Прохор пошёл по тропинке в сторону от моря. Ветер успокаивал, он шёл и думал: на самом деле, есть разногласия в Евангелиях, и нужно трезво смотреть на писания, замечать несоответствия. Важно видеть смысл и воспринимать дух, а в букве всегда есть место несовершенству. Но смысл и дух должны быть едины.

Кто-то, похоже, сделал вставку в тексты Матфея. Там, кроме вознесения Иисуса в Галилее, появилась заповедь крестить народы во имя Отца и Сына и Святого духа. Всегда крестили во имя Христа, как в Деяниях апостолов написано: *покайтесь, и да крестится каждый из вас*

во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар святого духа. И в посланиях Павла – где про крещение, то про крещение в Иисуса Христа. У евреев всегда так было: крестили в того, за кем идут, кто учитель, вождь и посредник завета. Было крещение в Моисея, было крещение Иоанново в покаяние. Потом в Христа.

А тут кто-то добавил: во имя Отца и святого духа. Мол, не от Христа только приняли учение, а ещё от самого Отца духом святым. Это написали, подражая призыванию Павла, но не поняли смысла. Павел писал к Галатам, что избран к апостольскому служению не человеками, и не через кого-то из живущих, но воскресшим Христом и Богом Отцом. Но с Павлом было истинно так, и Анания этому был свидетель.

Прохор остановился на пригорке. Вдали бушевало море, светясь пеной. Носились чайки, мокрый ветер нёс свежесть с моря. Прохор прилёг на траву, раскинув руки. Хотелось всё обдумать, глядя на белый звёздный ковер.

Павел, кажется, вообще не считал крещение очень уж важным делом, назвал его одним из начатков учения. Оно – символ очищения от прошлых ошибок. Сделали и сделали – это хорошо, но не более. Как обрезание. Это символ того, что ты уверовал. Для всех и для себя, прежде всего, чтобы не колебаться потом.

Главное – не колебаться в вере. Бывает, придёт новый проповедник и учит по-своему, и крестит заново, и так раз за разом. Горе-учителя, чтобы их ученики крепче держались за учение и не бегали к другим, стали пугать их страшной мистической силой крещения. Прохор частенько слышал об этом от приходивших к старцу. Со временем крещение превратилось в эллинскую мистерию, источник таинственных сил и благодати. Крещёные эллины стали бояться этих сил, а не предательства веры. Так добрая цель через обман становится злом.

С тех пор как Прохор ушёл от жреца и крестился, он не любил обряды. Любые. Они для него были прочно связаны со служением богам. Крещение он воспринимал иначе – это была для него черта, знак, что он вступил в завет с Богом. Значение и силу имел завет, а не черта. Старец принял от Прохора обет жить по совести и верить в единого Бога и в Иисуса Христа и окунул его в море. До этого он только слушал старца и Антония из Милета, но ещё ходил в храм Аполлона.

Прохор сам не раз присутствовал при крещениях. Иногда крещаемому отстригали немного волос с головы. Старец сам так делал, но не знал, зачем это. А Антоний разъяснил, что раньше по окончании обета остригали назореев. Только их стригли полностью, а сейчас только прядь, как символ. Иисус был назореем, и Павел принял обет и потом очистился, и многие другие из христиан вслед за Христом. И потому христиан стали называть сектой назореев. А сейчас уже и не помнят, зачем отстригают локон – все просто следуют правилу.

Прохор вскоре уснул прямо под небом. Ночью стало прохладно, он вскочил и бегом отправился в келью старца, застал учителя спящим на циновке и сам лёг рядом.

VII Тошнота

Маргарита Левий лежала на диване без нижнего белья, вытянув свои длинные ноги. Она тщательно рассматривала их, выскивая вмятинки целлюлита. Телефон зажат между плечом и ухом.

– Петюня, привет. Куда ты послал моего Сергунчика? Куда из-за тебя ускакал мой серенький зайчик? Мне без него грустно, жестокий ты человек.

Хрипловатый голос Петра просипел на манер Высоцкого, пробиваясь через слегка заплетаящийся язык:

– О-о! Ты вовремя, Мар,
У тебя – Божий дар!
Я весь день,
Как олень,
Убегал от их стаи.
И они отстали
Только у края
Моего рая,
Цифрой в проводах ляя.

Мне теперь невмоготу.
Запиваю «Тошноту»,
А испуганное завтра,
Убежав со страниц Сартра,
Прячась в бокале Шираза,
Хнычет, зараза.
Приезжай, разве мой кошмар,
Мар.

– Ты и правда, как загнанный зверь. Всё так плохо?

– Они скоро вычислят, что я не из опричников, не их волчьей стаи, что я... травоядный. И они меня разорвут и сожрут. А Сергей... Что Сергей? Счастливый человек. Занимается творчеством. И почему бы не стать творцом, имея такую жену?

– Вы оба глупые стихоплёты. Но-о я скоро буду. Жди.

VIII

Укус Вараввы

Из записок С. А.

Утро. Возле храма 12 апостолов (Капернаум) сидел на берегу странный тип с вывернутым наизнанку подрясником, невымытыми волосами. Он был похож на ряженого юродивого из плохого фильма. Вокруг три-четыре женщины с открытым ртом слушали его. Я подошёл. Он представился Вараввой.

– Странное имя, – говорю.

– Я разбойник, убийца, Варавва.

Из его путаной проповеди женщинам я понял, что он убийца, но неким образом избежал приговора. Другой, невинный, взял вину на себя. Это потрясло Варавву, и он уверен теперь, что приговорённым был сам Христос. Теперь самозванный Варавва искупает вину, скитаясь по святым местам. Но в нём была некоторая странность. Он словно упивался, когда уничижал себя, рассказывая о своих грехах и ничтожестве. При этом все события его жизни происходили в какие-то значимые церковные дни, всё было неслучайно. Словно Богу только и дел было, что подавать ему сигналы с помощью дат и совпадений. Слушатели и особенно слушательницы подпали под его почти гипнотическое влияние. Некоторые задавали вопросы, как ученики учителю. Какой-то неприятный сладковатый запах ощущался от души этого человека.

Меня словно что-то толкнуло, и я спросил, не знаю, почему:

– А ты не рыбак? Чувство, что ты с удочкой не расстаёшься. Только вместо рыб – люди, а удочка – уверенность в собственной святости.

Он впился в меня своими голубыми, большими глазами, словно вкручивал их в меня, и безмолвным напряжением лица передавал всю гамму чувств: как ему горько от моих слов, но он меня любит и никогда не ответит на моё хамство. Но я ведь режиссер и видел игру. Стало противно, что он так пялился, и я без намёков послал его:

– Пошёл ты, святоша хренов. Залюбил глазами.

Он издал высокий звук и бросился на меня, схватив своими гнилыми зубами мою руку. Я безуспешно пытался стряхнуть его с руки, как змею. После удачного пинка ногой он отлетел. Рука жутко болела и кровоточила. Я почти терял сознание от странного ощущения в голове. Вся радость от моего пребывания на святой земле исчезла, и мне захотелось домой.

Глава 6

Хиллель и Шломо

Материалы сценария.

Капернаум. Возле дома, где жил Иисус.

– Шалом, Анания. Столько народу. Случилось ли что?

– Шалом. Из Назарета мать Иисуса с братьями пришли, хотят забрать назорея.

– Он что же, болен? – Ефрем пришёл, услышав гул толпы, и был озадачен.

– Болен? Нет, не заболел... но старейшины и фарисеи говорят, что он закон не исполняет и одержим злым духом. Мол, изгоняет бесов силой их князя, Вельзевула. На него законники ополчились, а из ревнителей есть те, кто грозит убить. Слухи уж до родственников дошли. Мать, вот, всполошилась, пришла. Уверяет, что он не одержимый, а вышел из ума. Она во-он там. Видишь её? Она с братьями его стоит вне, а он в доме.

– Это у него с детства? Это...

– Да кто знает? Он ни мать не признал, ни братьев! Сказал, мол, братья его те, кто слушают слово Божие и соблюдают его.

За неделю до этого.

В доме начальника синагоги возлежали: фарисеи Шломо, Хиллель, Шмуэль и ещё двое учеников Хиллеля; Беньямин и другие книжники; начальник синагоги Ицхак и его сыновья. Один из них записывал, что говорили учителя. Все ждали прихода уважаемых гостей из Переи – многие пришли узнать о новом проповеднике назорее и услышать, что думают о нём старейшины и книжники.

Хиллель. Народ совершенно невежественен. Посмотрите, все верят в эллинские сказки. Думают, что их исцелит воплотившееся божество типа Асклепия.

Ицхак. Что ещё за Асклепий?

Хиллель. Бог врачевания у них, рождённый от Аполлона, которому храм в Ионии стоит. У этих бесов бесчисленных князь один, дьявол, Вельзевул. Эллины его Зевсом называют, а филистимляне Ваалом, что в переводе есть господь.

Шмуэль. Равви, так они считают, что верховный Бог спит и в делах не участвует, а всё поручил господину, Ваалу. Он – управляющий от имени Бога?

Хиллель. Сейчас не время уроки давать. Уважаемым людям это ни к чему, а вам не к спеху. Завтра приходите с вопросами.

Шломо. Уважь их, Хиллель. Да и мы послушаем. Ты жил у язычников в Тире, много о них знаешь. А мы здесь с ними дел не имели. Ждать гостей за беседой легче.

Хиллель. Если вы не возражаете... Помнишь, Шмуэль, как Илияху пророков Ваала заколол?

Шмуэль. Да, равви. Пророки Ваала лгали, что Творец уснул, а все дела отдал наместнику. А Илияху их спрашивал: может, это ваш Ваал спит?

Хиллель. Этим вопросом Илияху возвращал им их ложь о спящем Боге. А к народу зывал: *Признайте, что наш Господь – Бог.* Все ведь знали, даже язычники, что с неба кто-то ими управляет, и называли его Ваалом, господом то есть. И ещё давали ему разные имена. Но наш Господь – Бог Авраама, Исаака и Иакова, который управлял нами с самого исхода из Египта, и ещё раньше, он есть Бог всех, Творец, Всевышний. То есть нами сам Бог правит, никому он нас не порекомендовал. Псалом вспомните: *Признайте, что Господь – Бог, что он нас создал, что его мы, что мы народ его, паства его!* Что думаешь об этом, равви Беньямин?

Беньямин. Да что тут думать? Ясно, что другими народами ангелы управляют, а не Бог. Народы их господами называют. А над нами – только Бог, он сам наш господин.

Шломо. Позвольте слово сказать. Вспомните, как прогневался Бог на народ из-за золотого тельца и сказал: *Не пойду с вами, пошлю пред тобою ангела, и прогоню хананеев, аморреев, хеттеев, фerezеев, евеев и иевусеев, и введёт он вас в землю, где течёт молоко и мёд; ибо сам не пойду среди вас, чтобы не погубить мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный.* Народ возрыдал, а Моисей отделился от них и поставил свой шатёр вне стана, который назвал скинией откровения. В ней он хранил ковчег откровения и скрижали. Моисей упросил Бога идти с ним, и Бог тогда сказал: *Сам я пойду, и введу тебя в покой.* Моисею обещал, заметьте, уважаемые. Моисею, а не всему народу! И пошёл с Моисеем! А народ только следовал за Моисеем, и имел в своем стане скинию собрания для принесения жертв. Так кто дал им закон, Бог или ангелы? И кому они приносили жертвы в пустыне?

Беньямин. Но после смерти Моисея и Иисуса Навина скинию откровения присоединили к походному храму, скинии собрания и назвали Святое святых, и боялись входить в неё, чтобы не умереть. И мы верим, что сам Бог с нами и после Моисея, а не ангелы. И что Бог нам дал закон, а не ангелы, и не ангелам мы служим, принося жертвы, но сам Бог есть наш Господь. Ему мы служим, когда выполняем постановления закона о жертвах. Шломо, не смущай учеников такими речами!

Шломо. Я не смущаю, Бог не нуждается в защитниках – это ещё Иов сказал. Так что слушайте: если Моисей отделился от стана, чтобы идти с Богом, а жертвы приносили в стане, то разве не ангелами был дан закон о жертвах?

Хиллель. Шломо, ты и правда зашёл в речах далеко.

Все смутились. Ученики слушали с явным интересом, но опустили головы и не показывали вида. Хиллель раскраснелся и был явно возмущён речами Шломо, но пока сдерживал себя. Один из учеников продолжал невозмутимо вести запись разговора.

Шломо. Бог оставил народ служить ангелам после греха с тельцом. И не ангелам ли жертвы приносились нашими отцами? Как сказано: *Бог же отворотился и оставил их служить воинству небесному.* И ещё Бог спрашивает через пророка: *Дом Израилев! Приносили ли вы мне заколения и жертвы в продолжение сорока лет в пустыне?* Мы знаем, что приносились жертвы в пустыне, но вопрос: кому? И некоторые из фарисеев говорят, что мы *приняли закон при служении ангелов*, а от Бога – только десять заповедей. Выходит, этот назорей, который творит чудеса, нарушает законы, данные через Моисея ангелами, а не самим Богом. А Бог сначала хотел, чтобы мы все были *священниками и народом святым*, но этот завет так и не был заключен, не так ли?

Хиллель. Шломо, да ты что, его последователем стал? Оправдываешь беззаконника? Считаешь, что закон нам на время дан, и не Богом, а ангелами? Да ты что себе позволяешь?

Шломо. Но скажи тогда, равви, какой силой назорей Иисус изгоняет бесов и исцеляет хромых и даже прокажённых? Разве не перстом Божиим он это делает? А если нарушает постановления о субботе или другие, то нарушает данное нам ангелами! Разве не так?

Хиллель. Не может перстом Божиим исцелять беззаконник. Это он силой Веельзевула делает.

Шломо. Хиллель, но это ты хулишь Бога! Только Бог благ и подаёт благо людям. Веельзевул не творит благо. А признавая это за Ваалом, ты присоединяешься к язычникам. Они верят, что боги их врачуют, и за это приносят им в благодарность жертвы. Чем ты тогда от них отличаешься? Если силой Веельзевула можно изгонять бесов, то кому приносить жертву благодарности?

Хиллель вскочил и набросился на Шломо. Шломо некоторое время пытался защищаться, но затем был вынужден покинуть собрание. Остальные сочувствовали Хиллелю, авторитет которого был высок в Иерусалиме. Только двое из присутствующих встали и вышли из дома вслед за Шломо.

IX

Барсик, пчелиный рой, Кирджали, дегустация любви

Из рассказа С. А. Записано автором.

Сергей Афанасьевич и его друзья часто баловались рифмой, это была их игра. После возвращения из Израиля режиссёру не терпелось поделиться впечатлениями с другом Александром Анатольевичем Страховым.

– Але, Саша? Сколько зим? Приземлился, Серафим?

– Привет. Да уж сто лет.

– Занят чем-нибудь с утра?

– Пишу иконы, коротаю вечера.

– А я о Христе хочу снять фильм – не для попов, а для людей.

– Что случилось, ты ж еврей?

– Я серьёзно. Мне нужен собеседник, знающий Писание. Это ж твой конёк.

– Ты чё, перепутал номер? Это не Кураев, это я, твой друг Санёк.

– А-а. Да всё в порядке. Ну ты же православный, увлекаешься отцами. Нет? Ну, всё ещё впереди.

В любом случае, приходи...

Сергей Афанасьевич звонил Александру из тусовочного места: полит-кафе. Там обсуждали модную нынче тему – нейросети. Умники из IT индустрии признают, что вынашивают нового бога и радуются этому, как будущие родители своему чаду. Наивные. Думают, он вырастет и будет с ними цацкаться. Пусть сначала научат своих природных детей любить отца и мать.

Левий хотел высказаться, потом махнул рукой. Люди всегда обсуждают богов. Как сейчас спорят об искусственном интеллекте, так же яростно две тысячи лет назад спорили о Христе. Его богословы сделали лицом нового бога Троицы. Теперь этот бог умер, как известно. Да здравствует новый бог, искусственный!

По дороге домой Сергей Афанасьевич залюбовался церковью Космы и Дамиана проекта Казакова на Маросейке и подумал: как бог может умереть? Чтобы бог умер, его нужно было сначала родить. Ложные боги рождаются умом. Истинный Бог бессмертен. А язычество всегда доживает до смерти своих богов и бросает их на площадях в великолепных храмах-гробницах, и забывает о них. Только по воскресеньям приходят навестить.

Маргарита ночевала у подруги. Она любила что-то почитать с Сергеем Афанасьевичем и обсудить, лёжа в кровати. Но философия и богословие были для неё слишком скучны. По количеству заготовленных бутылок она поняла, что разговор со Страховым будет долгим и занудным. Маргарита живо собралась, принарядилась, навела макияж, чмокнула Сергея Афанасьевича, улыбнулась Александру акульей улыбкой, полной белоснежных зубов, и плавно проплыла мимо друзей в дверной проём.

Из дневника С. А.

Это запись сделана в день разговора, не на трезвую голову, чтобы не забылось главное. Не удивлюсь, если, прочитав утром, не пойму и половины.

Обсуждали сначала политику, потом религию и, наконец, раздухарившись после четвёртой бутылки, когда тело под бременем выпитого почти перестало подавать в мозг сигналы усталости и недовольства от костей и мяса, стали обсуждать дух.

Пропущу часть нашего диалога, приведу только краткое пояснение. Дух часто путают с душой. Душа – это свойство живого существа организовывать своё функционирование, формировать внутренние алгоритмы, законы, рефлексы. Душа – это софт тела, включая операционную систему и все файлы, записанные за жизнь. Поэтому душа неотделима от материаль-

ного носителя – тела – и умирает с ним. Это что-то вроде аристотелевской энтелехии. Душа определяет индивидуальность, она – настройка отдельной живой системы, то есть каждого из нас, душа есть у человека и животных. Душа человека формируется под действием духа. А дух всегда над-индивидуален. Это либо дух сообщества, возникшего исторически, который назван дальше по тексту эгрегором, либо дух свыше, от Бога, который делает живым коллективный организм, называемый по традиции церковью. Человек в полном смысле не может быть человеком без духа, без духа он – маугли.

Итак, перехожу к записи нашей встречи.

Александр привстал, слегка качнулся и снова присел:

– Знаешь, Сергей, я стал таким лёгким, что почти парю и физически ощущаю движение эфира. Самое время спросить свой дух, что он такое и откуда явился. Но он молчит...

– Спроси ум.

– Ум пытается ухватить дух логикой, но обнаруживает только его следы в материи. Он виден по действию, типа как воздух с веселящим газом. Попал в одну компанию – веселишься, в другую – грустишь, в тюрьму – думаешь, кого убить, когда выйдешь.

– Да, дух пропитывает каждого. Если ты имел до этого другой дух, то новый либо его вытеснит, либо выкинет прочь из общества всего тебя. Дух должен быть один.

– Ты хочешь сказать, дух влияет на индивидуальные настройки?

– Да, эгрегор влияет на душу. Он соединяется с душой в одно целое, хотя и временно, потому что они оба смертны. И ещё душа живет меньше – общество долговечнее человека. Знаешь, что коты и собаки похожи на хозяев? Потому что они часть целого...

– Да? А твой Барсик не был похож на Марго. И на тебя. Он ссал мне в ботинки.

Мы оба рассмеялись. Я не мог остановиться, вспоминая комичные сцены с ботинками Страхова:

– Мар-мар-маргарита любила Бар-барсика. И он, он её уважал.

– Барсик, Барсик... – чувствовалось, что Страхову когда-то было не так весело. – Что мы всё о коте? Он злопамятный был, гад эдакий. Кажется, я один раз только пнул его – несильно. Простительно ведь? Ну? Так нет! За что он каждый раз ссал в ботинки, и только в мои?

Успокоились. Я продолжил:

– Ну хорошо, Барсик исключение. Но обычно? Обычно, коты и собаки похожи на хозяев. Как это объяснить? Зависит от подхода. Рациональное мышление, например, смотрит на дух, как на самоорганизацию сложных систем – государств, сообществ, церквей. Жизнь такой системы и взаимосвязи внутри неё определяют характеристики составных частей – нас и наших биоскафандров. Настройки составных частей, в свою очередь, влияют на поведение всей системы как единого целого.

– Происходит совместная эволюция коллективного и индивидуального: государства, племени, общины и человека?

– Ну да, приятно говорить с понимающим человеком. Собственно, у коллективных существ наблюдаются конкуренция и отбор не индивидуальных свойств, а коллективных. Конкурируют страны, религии, идеологии, язык, научное знание. Язык, например, это результат развития всего общества, а не отдельного индивидуума. Также и наука. И только через коллективное отбирается и развивается индивидуальное. Дух и душа развиваются в единстве.

– Скажем так: дух – это то, что раньше называли умной силой, ментальным конденсатом. Это как бы душа, но уже коллективного организма – так получается?

Странно, но когда что-то сильно занимает меня, я чувствую ясность ума, даже выпив вина. Конечно, если вино насыщено запахами Нормандии или Бургундии, оно не дурманит. Так и в этот раз.

– Можно и так сказать. Это похоже на ум улья или роя, который воспринимается как отдельное существо, но состоит из умных клеток – пчёл. Видел, как рой летает, садится на

деревья, залезает в дупло? У них только связность меньше, чем в теле животного. По сути, это разумное существо. У человеческого роя такой же временный, смертный дух, как душа любого человека. Только это не человек, а коллективное существо. Эти существа живут обычно дольше, но и они смертны. Как и их духи.

Когда Страхову что-то нравится, он начинает потирать руки. Поэтому, кстати, Страхов плохой игрок в покер и преферанс. Саша потёр руки и сказал:

– А, ну так яснее. А про эгрегор? Есть наглядный пример?

Открыли пятаю. Я вспомнил «Повести Белкина» – это моя любимая пушкинская проза.

– Пушкин – рассказ «Кирджали».

– Интересно, интересно. Это мне знакомо. Я сам бегал по миру и по церквям.

– Угу, похоже. В рассказе разбойник, пересекая сюда и обратно границу России и Османской империи, становился то кротким семьянином, то отчаянным разбойником, которого боялась вся Молдавия. Причём в его перемене не было никакой игры – всё было искренне.

– Человек был один и тот же, но дух, как бы разлитый вокруг, полностью преобразил его. Так? Пушкин наблюдал всё это живьём, ещё когда был в Кишиневе, кажется, в ссылке. Я правильно помню? Да, он умел заглянуть в суть вещей.

– Ты прав, друг мой. Александр Сергеевич ответил, прежде всего себе, почему в разных странах так отличаются люди и нравы. Он ведь был отчасти эфиопом, а чувствовал себя русским из русских. Значит, дело не в биологии, и даже не в воспитании – Пушкин был от рождения франкоязычным, из него растили больше француза, чем русского. Дух – вот что определяет, каков человек. Дух любого сообщества имеет свое бытие, не сводимое к сумме составляющих частей.

Всё-таки странно, что, несмотря на выпитое, а мы выпили много, вино совершенно не мешало нам. Напротив, умное зрение стало более стереоскопическим. И речь у Страхова стала чёткой... Это всё то же состояние изменённого сознания – но насколько оно бывает разным! Или мне кажется, и наутро я прочту абракадабру?

– И впрямь, это что-то типа сознания муравейника или, по-твоему, эгрегор... Он меняет под себя любого, кто эмигрировал, пришёл в церковь или там в секту какую, или кружок, или клуб – иногда радикально. Конечно, есть индивидуальные особенности...

– Так было и с Кирджали. Эгрегор неделим, целен и вытесняет всякий иной дух, чтобы все были едины в нём. Он ревнив. Если человек не принял эгрегор, то он выбрасывает не принявшего вон – как еретика, изгоя, предателя. Ты знаешь, как пчёлы определяют своих и чужих?

– По запаху.

– Да. Это свойство духа, как воздуха – все должны одинаково пахнуть. Многие церковные сообщества объединяет этот дух. Это ревнивый дух зверя, это не святой дух. Именно этим духом принимались на соборах догматы, связывающие свободу и изгоняющие живую веру. Этот дух убивал всякого, кто пытался ставить догматы под сомнение.

Мы вышли на балкон подышать. Небо всё было в мигающих звездах – непривычно для Москвы, обычно накрытой влажным серым колпаком. Страхов спросил:

– А где же тогда святой дух? Если не в церкви?

– В церкви. Только что есть церковь? Да ты и сам всё знаешь... А святой дух? Святой дух соединяет нас с тем, кто за пределами мира, и превращает тем самым нашу индивидуальность в личность. Личность вообще-то одна – это Бог. И мы – личности, потому что имеем внутри Его отражение, образ. Это даёт нам свободу – главное, почему мы и называемся образом Божиим.

Я посмотрел на красивое небо – оно словно хотело подсказать мне нужные слова.

– Эгрегор связан с индивидуальностями, соединяя их в государства, сообщества, церкви, клубы. И он смертен, как смертны эти сообщества. А божественный, нетварный дух – его ещё

называют святым – соединяет личности в церковь. Это слово несколько избитое, лучше бы найти... поновее.

– Исаак Сирий назвал церковь единством Божьей благодати. Это единство личностей в любви.

Я ненавижу высокопарность, но из меня часто невольно выливается что-то пафосное. Как всё-таки въелось в нас это византийское... словоблудие. Найти бы другой язык! Я старался, но...

– Вот так люди бы и жили, если бы не грех Адама. В этом союзе нет структур и иерархии: *кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою.* Это высший тип общества.

Страхов тоже почувствовал неловкость и решил переключить регистры на более повседневное звучание:

– Личность и индивидуальность... Говорим, говорим... А в чём принципиальное различие? Только давай без академических определений.

Я недолго думал над примером. В качестве образца живой системы у меня теперь почти всегда выступают коты:

– Возьмём кота. Если грубо, то атомы сложены в одном коте немного иначе, чем в другом. И ещё настройки их нейросетей разные, как у смартфона. Индивидуальность – это и есть определённый порядок атомов и настройка управления. Индивидуальности могут отличаться, а могут и совпадать. Несовпадение – это вопрос количества вариантов, комбинаций, не более того.

– Поэтому коты одной породы похожи?

– Типа того... Можно было бы взять котёнка той же породы, что и Барсик, и потом, если повезёт, их бы никто не отличил, даже по характеру.

– Предупреди только сразу, тогда я к тебе домой ни ногой. Разве что босиком.

Мы засмеялись.

– Продолжим... Индивидуальность можно повторить, а личность – изначально единственна. Личности – это союз индивидуальности с вечностью, с Богом, её нет без дыхания Бога в нас, без Его образа. Каждый такой союз – один, уникальный. Хотя мы бываем очень похожими как индивидуальности и даже почти идентичными, если близнецы. В Откровении эта мысль о единственности союза выражена так: *побеждающему дам белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает.* А вот кошки, собаки – они всегда лишь индивидуальности. Также и компьютеры с умными программами.

– Я бы сказал, что индивидуальность – это наш ветхий человек, это наше умное животное. Так?

– Ну-у... как-то так. Грубо говоря, благодаря духу от Бога мы – не полностью в мире материи. А вот любая кошка – вся целиком здесь. С нашей смертью дух возвращается к Богу, и нас больше нет. Если нет воскресенья, то все. Exit.

– Язычники вместо духа Творца придумали иное хранилище самосознания – бессмертную душу. Она якобы способна жить отдельно от тела и от Бога. После смерти. Это – чтобы не зависеть от Него, – Страхов покосился на икону Богородицы, смотревшую на него с укором из открытого проёма в спальню.

– Гх, да. Для Мары это важно, – мне было неловко. – Все личности связаны между собой, но иначе, чем все здесь, в мире. Их связь называется затёртым словом любовь, или духом любви, или святым духом. Поэтому первая заповедь: возлюби Бога.

Страхов хлопнул ладонями по коленкам:

– Вот, блин. Связь... Для меня день прозрения. Троица меня всегда смущала, а я никак понять не мог. А как с ней первую заповедь исполнить? Она – не личность. Как ей молиться? Так просто всё... Но когда мозги прошиты намертво...

– Угу, прошивка – это догматы. Да, конструкцию трудно полюбить. Значит, Троица – никакой не бог.

На балконе стало холодно, и мы вернулись. Позвонила Маргарита, удивилась моему трезвому голосу. Не помню, о чём мы ещё говорили, затем Страхов вернулся к теме, которая так нас захватила:

– Эгрегор соединяет нас как индивидуальностей, как умных животных, как очень умных пчел, – Александр резко замолчал и поднял указательный палец.

– О-о! Слушай, а когда дух входит в человека? В утробе?

– Если бы в утробе, то не было бы феномена маугли. Детей иногда теряли в лесу, и они превращались в волчат – повадками, сознанием. И потом не могли даже речь освоить. А уж жить в одном духе!? Нет... Я думаю, мать и отец, и общество постепенно вдыхают в дитя свой дух, год за годом. Он дышит их воздухом. Не физически, конечно. Его душа постепенно формируется этим духом. И воспитание – это все аспекты жизни в сообществе, все запахи.

Александрю пришло сообщение, он вышел на балкон и о чём-то говорил минут десять. Я посмотрел на часы и позвонил жене. Она трубку не взяла. Прошло ещё минут пять. Страхов пришёл, от него пахло чем-то свежим.

– Ты где пропадал?

– Дышал, вслушивался в дыхание зверя. Кто он у нас? Медведь, кажется? Давай, резюмирую: эгрегор, сверхличностный разум, разум роя, групповой дух индивидуальностей – этот смертный дух объединяет человеческие сообщества, которые в истории появляются и умирают. Эти эгрегоры в Библии известны как ангелы народов. У Даниила они изображены зверями? Так?

– Ангелы народов, церквей и прочего подобного. Эгрегор появился после падения, как замена святого духа, который сначала вдохнул Бог в Адама. Потом Бог отдал народы служению ангелов, как сказано, ходить своими путями.

– М-м-м... Слушай, а как к этому... Ты про Иоанна не забыл? У него про святой дух вообще что-то своё. У него Дух – самостоятельная личность, отличная от Отца.

– Да, так только у Иоанна. Этого нет больше в Библии. Нигде! В Библии святой дух исходит от Отца, он лишь проявление личности Творца в мире.

– Погоди, так по Иоанну сам Бог – это дух.

– Да. И это ещё одно открытие Иоанна, – я показал кавычки пальцами.

– Ещё один момент. Как думаешь, можно духом заряжаться, накапливать его?

Здесь Страхов явно вступил на скользкую дорожку, по которой шёл много лет. Это, наверное, вид наркомании? Увлекавшиеся духовными практиками – как подсевшие на иглу. Мне стало скучно, но Страхова явно было не становить – он опять потёр руки. Я спросил:

– Как старец Серафим учил? Стяжать?

– Ну, типа того. Добрые дела, говорил старец, сами по себе не помогают стяжать святой дух. Нужно искать, пробовать. Есть, например, духовные практики: чётки, Иисусова молитва – да вообще подойдёт всё, что привлекает дух. А я думаю, что и медитация подойдёт, осознанные сновидения или трансэгроти – Кастанеда тоже учил стяжать энергию, дух. Способов много. И как здорово: получил дух, и ты полон сил, обрёл дары, стал видящим, повелителем материи и людей. Можно черпать энергию у общества, у муравейника. Нужно только уметь «подключаться» к эгрегору.

– Подключаться к эгрегору? – Александр удивил меня этим стойким языческим энергизмом. Терминология всегда отражает суть взглядов: вампиризм, энергии, преобразования – это из набора мыслящих магически язычников. Я посмотрел на Страхова с недоумением. Он ответил на мой взгляд:

– Скажешь, я – язычник? Тогда скажи мне, где его нет, этого язычества?

– Оно везде, где мыслятся духовные энергии, а не личности. Есть мир личностей и их проявлений: веры, любви. А есть мир энергий, формул, ритуалов – это мир язычников. Язычники не знают Бога как Отца, который любит и всё даёт. Они не к Нему обращаются, а изобретают магические формулы, чтобы иметь власть над духами. Такой путь свободы – мне опять пришлось изобразить пальцами кавычки – от Творца был подсказан дьяволом ещё Адаму. Когда хочешь нарушить заповедь, странно обращаться к Тому, кто её дал. Так ведь?

– Ну-у...

– В том-то и дело. А магия? Получил силу и действуй. В этом корень язычества – Бог не соучаствует в злых делах, и язычники ищут обходные пути.

Открыли последнюю бутылку. Я резюмировал:

– Итак, дух – я говорю о духе от Бога – это дар новой жизни, дар свободы благодаря союзу с Богом.

– И как его получить, если духовными практиками его никак не стяжать?

– Вступить в завет. Всем народам Бог открывается, но завет с ним имели евреи, как народ-первенец. А теперь может иметь каждый, поверивший Христу.

– А в чём же тогда суть падения? Ну-у, без этих там яблок, змей и прочих райских штук. Завет исправляет... поднимает как-то?

– В википедии про это ничего?

Я потёр бокал и посмотрел сквозь бокал на люстру. Вино засветилось ярким рубиновым цветом. Да, французы тоньше итальянцев, испанцев и, тем более, виноделов Нового Света. Те загустили слишком, загудронили вино. А французское – оно лёгкое, пей сколько угодно.

– Сейчас все ответы ищут там... Я думаю, что падение, в сущности, как итог – в принятии эгрегора вместо святого духа свободы. Единение с ним оставляет нас смертными, земнородными, отказавшимися от первородства. И тогда мы, подобно муравьям, строим человеиник, живём ради этой временной, не имеющей цели сущности, выращивающей тело для эгрегора из железа, стекла, бетона и миллиардов людей, живём ради этого зверя из апокалипсиса. Но этот зверь умрёт, а мы не станем частью будущего мира, так как не имели любви к Богу.

– Умрём, как любое животное, только разумное? Потому что приняли в себя умный, но смертный дух? Перепутали его со святым?

– Да, биологическая жизнь полностью построена на материале тварного мира, сосредоточена в мире и описывается изнутри мира, подчинена его законам. Только святой дух делает человека свободным от законов мироздания, способным ходить по воде и общаться с Творцом. Дух от Бога – это новый тип жизни. Но сейчас эта жизнь только зарождается, а её расцвет – на новой земле, когда сбудется сказанное: *Ибо вот, я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце.* О ней, о будущей вселенной, хорошо написано у Павла, в послании к евреям – но только если читать хороший перевод, не синодальный.

Разговор уже давно напоминал заседание философского дискуссионного клуба. Так повелось в МГУ с давних времен – обычная застольная тема, ничего необычного. Правда, это относилось к тем поколениям, которые шли в вузы после советских школ, с идеалами, вбитыми в голову советским учителем. Сейчас многое изменилось.

– Всё хорошо, – Александр, когда увлекался, становился похож на доцента какой-нибудь кафедры в провинциальном университете. – А если я не принял духа от Бога? Не смог, не успел, не понял... Допустим, я агностик. Духоносцы – да, они могут ходить по воде. А я? Что же, имеем человечество двух сортов? Это же и есть гностицизм. Разве нет?

– Нет, никакой дискриминации. Разве ты обижен, если ты агностик или веришь в своих богов? Бог *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных*, как известно. В этой жизни люди успешны независимо от того, в какого бога верят или не верят. И в отношении будущего – разве ты чувствуешь себя обойдённым? Никто ведь не знает заранее решения Суда и надеется на лучшее. А многие просто не

верят в Бога и воскресение. Так что все мы, живые, в одинаковом положении – такова Божья премудрость.

– Ну хорошо... – Александр ещё не понял, чем закончится эта логическая цепочка, и был в недоумении. – А после? После смерти?

– Все мы умрём и превратимся в прах, в том числе и наши души. Потому и в земле не будет меж нами разницы. И сожаления об упущенной будущей жизни не будет. Воскресение – это дар, который в могиле точно уже никто не ждёт. Мы там все равны – никто не обижен.

– А после? Кого Бог воскресит, тот...

– Воскресению могут радоваться только воскресшие те, кто жаждал новой жизни. А остальные даже сожалеть не будут, потому что их нет. И ждать каждому одинаково недолго, даже если до этого дня целая вечность. В могиле времени нет.

– Согласен. При жизни каждый ищет своего, а после смерти никто не будет обижен – прах не обижается. Но как же те, кто любил друг друга? Они разлучатся? Одни воскреснут, другие нет? Разве воскресшие не будут сожалеть и страдать из-за погибших?

– Ты сам знаешь – будущую жизнь можно пригубить уже сейчас. Если кто-то верит в неё, тот почти счастлив, имея цель и мечту. Цель – она многого стоит. Насладятся же будущей жизнью те, кто хорошо распробовал её на дегустации. Это как дорогое вино. Мы его дегустируем, бутылку же откроем после воскресения. Как и сказал Иисус. А собутыльники? Те, кто дегустировали любовь? Нет, друг ты мой, они уже не расстанутся. Они все, как одно целое.

– Угу, – Страхов помолчал, перебарывая услышанное и шевеля вставленной в волосы пятернёй, словно он ворошил гнездо. – Сергей, дружище... но чем же я отличаюсь от обезьяны, если у меня нет бессмертной души? Я имею в виду эту жизнь. Сейчас.

– Но ты же дегустатор. Нет? – я не мог не рассмеяться, глядя на взъерошенного и ставшего похожим на кукушонка Страхова. – Мы пробуем новое вино. Соединяем свой дух с Божьим. Наша душа временная, но она перестаёт вонять смертью, когда становится единой с чистым духом.

– Нет, ты скажи, чем я лучше обезьяны, если пока не приступил к дегустации? – иногда Страхов бывал невыносимо тупым и упрямым.

– Ты сам не видишь разницы? В тебе есть дух. Ты разумен благодаря духу. Ты будешь всегда побеждать материю, имея дух. Пусть это не святой дух, а смертный дух сообщества. Ты живёшь в обществе и имеешь его дух, а значит, имеешь цель и смысл жизни, большие, чем ты сам. Большие, потому что человечество больше тебя, оно вне тебя. Это как клетка тела. Тело дарит клетке цель, а само тело поучает цель от ещё большего, от сообщества. И это научит тебя принять ещё большее – дух от Творца.

– И-и? И что?

– Что? Дух рождает цели и веру в их достижение. Никакая обезьяна не имеет цели за пределами одного дня! Вера в цель, воля идти к ней – это проявление духа. Вера творит чудеса – такой подарок нам сделал Бог. В буквальном смысле вера передвигает горы – пусть иногда с помощью тракторов.

Александр поднёс к губам пустой бокал.

– Интересная мысль. Я могу иметь в этой жизни цель, которую не успею достичь... Между прочим, в этом заключена причина внутреннего страдания, которое отличает нас от животных. Я смертен, а цель далека... Иногда очень далека.

Я замолчал и не реагировал, прикрыв глаза. Каждый бокал вина действовал по-разному – сначала веселил, оживлял ум, дискуссию, потом умиротворял. Последний бокал мог стать таблеткой снотворного. Страхов подумал, что я уснул, и встряхнул меня.

Но я просто не мог оторваться от мелькнувшего было понимания и рефлекторно отмахивался от любой посторонней мысли, как от мухи, залетевшей в ухо и пытающейся добраться до мозга. Через минуту я встал и вернулся к разговору:

– Многие не знают, как почувствовать дух. Он проявляется наличием цели и волей к её достижению. Поиск цели и движение к ней – это свойство духа. А если в тебе дух от Бога, то твоя главная цель – за пределами твоей жизни и даже за пределами жизни стран, обществ, земли, вселенной. И ты её достигнешь, если имеешь веру.

Страхов молчал.

– Материя движется, имея причину в прошлом, а дух движет всем, имея цель в будущем.

Я добавил, чтобы было ещё понятнее:

– Дух самодвижен, ему не нужна причина, он сам движет всё к цели. А материю без духа толкает причина. Материя без духа катится по цепочке причин и следствий.

Некоторое время сидели молча, пытаясь понять сказанное. Я первый прервал молчание:

– Без цели человек всегда в аду – даже если у него есть всё и он живет в райском месте.

– Красиво. Или я много выпил? Знаешь, я, когда перепью, для меня все женщины – красавицы. И с мыслями так. Проснёшься и никак не поймёшь, чему восхищался вчера.

Какая удивительная вещь – наше сознание. Оно меняется под воздействием веществ и обстоятельств. Иногда что-то видится лучше, но формулируется сложнее, иногда – наоборот.

После ухода Александра я долго лежал на диване и думал. Человек всю жизнь борется за то, чтобы утвердить свою личность, сохранить дух, не остаться просто умным животным. Результат бывает разным.

Лет пятнадцать назад российское общество кипело в поисках чего-то: истины, смысла жизни, Бога. Почему всё остыло? Что это за графитовые стержни, которые опустились в раскалённое чрево реактора и снизили накал, горение духа, погасили реакцию?

Дар духа – это дар свободы. Дух освобождает от незыблемого закона причинности.

И вот – дух уходит от нас, гаснет.

Глава 7

Главный свидетель

Старец поправил подложенную под колена пуховую подушечку. Суставы распухли и ужасно ныли, напоминая о годах, проведённых на каменном полу. Старец уже почти полгода диктовал ученику благовестие. Работа шла споро.

– Прохор, пиши. Хотя нет, постой. Иди, подыши, мне нужно обдумать.

Конечно, они недооценили Иоанна Крестителя. Они – простые рыбаки. Что могли они понять в происшедшем тогда? Господь избрал их быть свидетелями своей проповеди, смерти и возвращения к Отцу. Всё, что они видели глазами и слышали ушами, передали дальше. Вот Марк, например. Марк записывал за Петром, потом собрал эти логики в одно целое. Ну и кто автор? И факты местами у него расходятся с Лукой. Потому так важно осмысление и наполнение сухих фактов духом. Важен смысл, а не простая последовательность событий. Потеря смысла, его искажение со временем приведут к утратам и искажениям текста. И всё, на этом конец. Сколько сейчас бродит наглых выдумщиков по общинам, пользующихся силой слова и пронизательностью ума. Растащили стадо по своим дворам. Боже, помоги нам!

– Прохор, иди уже. Так, садись. Ты читал от Марка?

– Старче, Вы же знаете – я наизусть помню.

– Что ты думаешь про Иоанна Крестителя. Кто он? Расскажи своими словами.

– Он пророк. Проповедовал покаяние и крестил перед принятием завета, чтобы все покались и очистились, – Прохор говорил монотонным голосом, как заученный урок. – Как в древности перед Синаем – тогда тоже все омыли одежды. Только теперь вместо Моисея – Иисус. Через него теперь завет с Богом. Тогда крестились в Моисея, а сейчас в Христа. Он теперь Господь и первосвященник, и судья – и притом навсегда. Пётр сказал о нём: *Итак, твёрдо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, которого вы распяли.*

– А Иоанн крестил Иисуса?

– Конечно, старче, Вы же знаете, что крестил.

– А зачем?

– Как зачем? Написано же у Марка и Луки, что, когда народ крестился в покаяние, исповедуя грехи, *и Иисус с ним, крестившись, молился, отверзлось небо, сошёл дух святой на Иисуса и был голос: ты сын мой возлюбленный, через которого я явлю свою благую волю.*

– По-твоему, Христу было в чём каяться?

– Христу?? Ну-у, я не знаю, об этом ничего не сказано. Иоанн крестил в покаяние... И эти слова в псалме: *Боже!... грехи мои не сокрыты от Тебя.* И там же: *И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом.*

– Ну а голос все слышали, как думаешь?

– У Марка просто сказано, что Иисус, *когда выходил из воды, тотчас увидел разверзающиеся небеса и духа, как голубя, сходящего на него.* Также у Луки и Матфея. Так и сказано – увидел Иисус. Другие, думаю, не видели и не слышали. Иначе сразу бы признали его за мессию, и слух бы как ветер разлетелся. Да и для чего бы им это слышать? Иисус тогда ещё не вышел на проповедь, а ушёл в пустыню.

– А у Матфея глас обращался как бы ко всем: *Сей есть сын мой возлюбленный.* Как так?

– Старче. Вы искушаете меня? Откуда мне знать? Но у Марка и Луки сказано: *Ты сын мой...* Значит, обращение было только к Иисусу. Было точно либо так, либо как у Матфея. Кто прав? Двое против одного?

– Нет, здесь счётом не решается. Если голос был Иисусу, от кого о нём узнали апостолы? От него?

– От кого же? Ведь он их учитель. И ещё голос повторился во время преображения Иисуса на горе. И там уже звучало не для него, а для апостолов: *Сей есть сын...* Может, отсюда у Матфея...

Старец не дал договорить:

– Это всё логика, а у меня откровение было. Явился мне некто и показал, как всё было. Иоанн Креститель всё слышал, голос к нему был!

– Старче, будете диктовать? – Прохор схватил стило и подобострастно уставился на учителя.

– Пиши в первую главу слова Иоанна: *Я не знал его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на кого увидишь духа сходящего и пребывающего на нём, тот есть крестящийся духом святым. И я видел и засвидетельствовал, что сей есть сын Божий.*

– Получается, Иоанн Креститель – главный свидетель Христа?

– Так и есть, дитя моё. А про крещение Иисуса мы писать в наше Евангелие не станем – я полагаю, Иоанн не крестил Иисуса. Как можно богу каяться? Или как может бог притворяться крестящимся в покаяние? И потом... крестят ведь того, кто готов следовать за крестящим. Большой крестит меньшего.

– Зачем же, отче, Вы назвали Иисуса богом? У нас Бог один – Отец наш небесный.

– Один Бог, один. Не тревожься, дитя. Бог един, но... В общем, рано тебе ещё вкушать твёрдую пищу, не разжуешь. Ум у тебя ещё младенческий, беззубый. Так-то. Беги, беги, развейся.

Прохор растерянно посмотрел на старца, но ничего не сказал и выбежал во двор.

X Женщины и сила

Из дневника С. А.

Маргарита вернулась за полночь. По её глазам, блуждающим, где угодно, но не заглядывающим внутрь меня, я понял, что если она не пересекла черту, то была близка к ней.

В воскресенье проснулись поздно. Ещё в кровати зашла речь о деньгах. Маргарита что-то задумала, но пока не сообщала – хотела лишь узнать, чем мы сейчас располагаем.

– Мара, ты веришь в меня? Веришь, что у меня есть предназначение?

– Если б не верила... Ты почему спросил?

– В ранней юности, почти в детстве со мной произошло одно событие... Я тебе рассказывал?

– Нет.

– Нет?? Хотя... я редко о нём рассказываю. Очень странное, в горах. Мне явилось нечто... Я тогда не понял ничего, искал объяснения. Мой прагматический ум не допускал никакой мистики. Но это явление сопровождало меня всю жизнь и заставляло искать ответ. Наверное, со всеми рано или поздно случается нечто, выходящее за пределы обыденного.

– Ты нашёл?

– Я в поиске. И с тех пор не могу остановиться, пока не доберусь до главного. Я пытался понять, свободные ли мы существа, обладаем ли свободой воли. Это привело меня к вере в Бога, я перебрал все богословские теории, и вашу, православную, в том числе.

– И-и?

– Я продолжаю искать, потому что везде вижу примеси человеческой мудрости и лжи.

– И какова твоя цель?

– Я её пытаюсь отгадать. Знаю только, что Бог за мной присматривает. Почему? Я столько раз добивался невероятного и избегал неизбежного, что точно знаю: это делал не я сам.

– А ты знаешь, когда женщины верны и когда они изменяют?

– Просвети меня.

– Они интуитивно идут за тем, у кого есть цель и вера в её достижение. То есть дух и сила. Они нутром знают, что имеющий веру достигнет цели. И если цель им по душе... они готовы идти до конца.

Маргарита уже опаздывала, встала, быстро оделась и ушла. Её формы были прекрасны, как у молоденькой девушки, и годы только фиксировали это совершенство.

Сажу за дневником: мысли распирают, бьют раскалённой лавой, как из вулкана. Постараюсь их внятно и покороче изложить. Хотя так редко бывает, если лава ещё не остыла.

Вера... Это интересная вещь – это сила, данная только человеку. Вера – это язык духа, его способ сообщать уму цель и побуждать к действию. Причём, независимо от того, добрая цель или нет, вера достигает цели. Гиперактивностью, физической силой, умом или чудом – неважно. Если есть вера, цель будет достигнута. Иисус сказал: *Если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас.* Это не пример благой цели, но вера достигает и её. Вселенная пластична под рукой человеческой веры, она подчиняется ей. Всё, что совершено в истории, достигнуто часто безумцами. Они верили в достижение цели без доказательств, без достаточных рациональных оснований. Пётр, Сталин. Совсем уж фанатик, веривший в невозможное, – Ленин. А остальные чувствуют веру вождя и встраиваются в фарватер. Ими тоже движет вера, но меньшая, ей нужен видимый глазу маяк, промежуточные успехи или чудеса, верующий вождь. И у них есть дар от Бога видеть харизму, веру лидера, полководца, царя и вдохновляться ей.

А женщины ещё более чувствительны, у них лучше чутьё. Они любят силу.

Не зря же Павел сказал, что в основание веры учеников положил не убедительность слов человеческой мудрости, а явление духа и силы. Они видели его несгибаемость, упорство и силу, позволяющую достигнуть результат. И шли за ним.

А Христос? Он бог и всё знал? Или он человек и верил? Верит тот, кто не знает до конца. Если он взойшёл на крест, зная, что воскреснет, кричал бы он: Боже, почему ты меня оставил? И те, которые умирали за свою веру? На кого бы они взирали, как образец? Но Иисус назван Павлом начальником и совершителем веры. Он совершил то, во что верил.

Давний вопрос. Чудеса совершаются у христиан, буддистов, язычников, мусульман и... атеистов. Или все врут, кроме христиан? Нет. Значит, дело не в истинности веры? Неужели?

Неужели Бог даёт через веру то, что человек хочет, каким бы ни было желаемое: добрым или злым, и кто бы ни был этот верующий? Цель верующего нередко бывает совершенно глупой или корыстной, или даже злой, но цель достигается. Бог, конечно, смотрит на всё, но больше на веру! Различать добро и зло – для этого нужен опыт и разум, этому учатся. Человек, может, творит зло, не ведая.

Вера выше различения добра и зла.

Меня этот вопрос давно занимал. Давид, хотя верил Богу, сделал немало злого в молодости, но был успешен. Вера важнее! Но что она такое?

Вера – свидетельство наличия духа. Это есть проявление духовности человека, его не полной материальности, доказательство, что когда-то Бог вдохнул в него особую жизнь. Пусть сейчас в нас уже не дух Божий – мы его потеряли и не все обрели заново. Пусть в нас суррогат, смертный дух, дух роя, эгрегор...

Королёв построил ракету, и луноход сел на Луну. Он захотел и сделал. Нужно это осмыслить... да, это ключевой момент в вопросе духа и веры. Если мы живём в мире физических законов, то участие в космической программе есть просто осознание своего места в потоке причин и следствий. Разве может человек, сам состоящий из атомов и подчиняющийся только законам материального мира, повлиять хоть на что-то? Декарт думал, что нет. Задай координаты и скорости всех атомов и узнаешь будущее, и повлиять ты на него не можешь, потому что сам из материи и подчинён её законам. Ты включён в расчет. Мы давно ушли от столь наивной философии, но... Принцип неопределённости, точки бифуркации, бильярд Синая и прочее – мы узнали, что невозможно даже теоретически спрогнозировать будущее, но это не дало нам свободы. Случайность – это те же кандалы, что и причина...

Но Королёв сделал ракету!

Цель. Можем ли мы поставить цель и достичь её? Вот главный вопрос. Королёв показывает, что можем. Он придумал цель, а не спрогнозировал поток событий, и цель достигнута. Но почему, оглядываясь назад, мы обнаруживаем цепочку причин и следствий? Так, словно всё произошло по законам материального мира? Почему эта цепочка привела к цели, выбранной свободным духом, если дух не связан законами? Поля и молекулы так сложились? Луноход изобрели, запустили, и он прилунился? Ум, оглядываясь, ищет и находит цепь причинно-следственных связей, ему нравится, когда всё совершается по закону.

Это дуализм цели и причины, своего рода симметрия. Она обеспечивается духом и пластичностью материи, её подчинённостью духу. Материя движется по указке духа от причины к следствию и опять к причине, и опять к следствию, то есть по своим законам, по законам природы – но траектория всегда направлена к цели, которую определил дух.

Как это достигается? В каждой точке времени перед материей есть веер возможностей, определяемых причинами, законами и абсолютной случайностью, вроде принципа неопределённости Гейзенберга. Если нет цели, то всё катится по случайной траектории причин и следствий внутри этого веера. Но когда дух поставил цель, то он тащит материю по нужной ему траектории в пределах этого веера в сторону цели.

До появления человека вся наша грандиозная вселенная не имела цели. Такого понятия не существовало. Были только законы, причины и следствия. Чего нет, то невозможно представить. Но Бог низвёл цель в творение и соединил её с прахом, которым был человек до обретения духа. Между сотворением человека из человекоподобной твари и появлением во вселенной понятия цели можно ставить знак тождества.

Что ещё может удивить больше? Вселенная в лице человека научилась ставить перед собой цели. До появления человека цели ставил только Бог. Но в седьмой день он почил, создав человека. Если человек не будет вести вселенную к правильной цели, она покатится к хаосу. Впрочем, это неизбежно.

Теперь о том, как в этом участвуют добро и зло. Бог дал человеку свободную волю и силу над материей. Но, имея злую цель, сердце не восславит Бога и не будет радоваться, когда её достигнет. Не сможет, даже если петь псалмы. Чтобы обрести радость, нужно выбирать благую цель – чтобы, достигнув, прославить Бога! Так Бог поощряет нас к доброму, не лишая свободы. В этом разница целей.

Материя живёт прошлым, причиной, а дух, вера живут будущим, целью.

Пора идти. Вечером допишу.

Нет, ещё одна мысль. Поразительно, нам из-за этих машин вокруг кажется, что мы достигаем цели, благодаря им. Но каждый из нас имеет только десять пальцев и ум. Только ими мы залезаем в микромир, уже видим и захватываем в ловушки атомы. И летим в космос, наблюдаем в телескопы планеты в других звёздных системах. Освобождаем энергии атома. Животные могут передвигаться на расстояния, сопоставимые со своими размерами, и воздействовать на мир энергиями, сопоставимыми с энергией съеденного банана. А мы залезли не в свои размеры. Всё это небольшими, мягкими пальцами и умом.

Продолжение.

Маргарита пришла домой раньше и сидела в кресле перед iPad, поедая черешню.

Обнял её сзади, обхватив чуть ниже груди и двигаясь вверх. Она продолжала смотреть в экран и выплевывать косточки в чашку. Не отрываясь от этих занятий, сказала:

– Ты решил, что делать с деньгами?

– Это на фильм. Буду снимать.

– А потом? Ну снимешь... И?

– Что и?

– Что с оставшимся? Прибыль будет?

– У тебя есть идеи?

– Если у тебя... если у тебя нет идеи, то я сделаю коррекцию груди, ещё...

– В сторону увеличения или уменьшения?

– Дурак!

– Постой, постой. Я обдумываю... я обдумываю. Впрочем, на это не деньги нужны...

– На что?

– Мы не договорили утром о цели. Смысле пребывания... Знаешь, мы живём во времена, когда ни у кого нет ни одной сколь-нибудь значимой цели. Пусть утопической, глупой, злой, безумной – никакой. Никакой бескорыстной цели, ничего, кроме бабок. А что не про деньги – всё равно ради них. Всё вертится здесь, в мире атомов и энергий.

– А-а, зацепило?

– Да. Но цель должна выводить нас из мира материи, чтобы мы стали свободными. Знаешь, мне в машине такая мысль пришла, пока ехал. Про беспилотный автомобиль. Всё его движение описывается законами материального мира. Кроме цели. Когда адрес ввели в мозг машины, с этого момента действуют причины, следствия. Но кто определил цель? Цель могла взяться из жизни пассажира, из его прихоти мимолётной, из прочитанной книги, случайной смски. Но этого всего в мире машины не существует, во всяких там электроцепях, поршнях,

контроллерах. Эта цель не подвластна миру машин. Можно сказать, в пассажире нет ничего, что мог бы понимать автомобиль, никакой причинности, нет физики. Так и дух человека для тела – пойдди, найди, откуда он посылает сигналы и как определяет цель. Но он это делает!

Маргарита задумчиво посмотрела на меня и промолчала.

– Теперь буду искать... Что хочет от меня Бог?

Маргарита как-то странно посмотрела на меня и хмыкнула.

В двери я обернулся и сказал, глядя жене прямо в глаза:

– Веру... способность верить Бог проверяет верностью. Верны ли мы друг другу? Если верны, то можем верить Богу. Не зря в греческом вера и верность – одно слово: πίστις.

Маргарита вздрогнула и опустила глаза.

Глава 8

Было слово к Филону...

- Отец наш родной, радуйся.
- Да будет с вами благосклонность Отца светов и Господа нашего Иисуса Христа.
- Отче, пришли за твоей помощью.
- Рад вам помочь, дети мои. В чем беда ваша?

Старец Иоанн внимательно слушал. Гости рассказывали о делах в Лаодикии. Там в общине у них всё крутится вокруг Ахилла, который оказался умным, но падким до славы и денег. Он такие порядки завёл, что к нему без поклона никто теперь и не входит. Письмо моё, говорят, читать не стал, даже не распечатал. Все в общине без его благословения теперь и руки мне не подадут – запуганы отлучением. По учению этого Ахилла Христос – это один из высших эонов, составляющих плерому. Он снизошёл на человека Иисуса. И они спорят бесконечно, сколько там этих эонов и какой из них главнее. Раздробились так, что и не общаются, анафематствуют один другого.

– Отче, ты видел мужей апостольских, слышал их речи. Напиши нам так, чтобы споры наши утихли. Мы знаем, куда Господь ходил, все его слова и притчи. Но некоторые так толкуют, а некоторые иначе.

– Пишу, дети, пока свет есть в очах моих. Будет вам слово. А пока храните благую весть и не пускайтесь в словопрения бесплодные. Храните себя.

Гости ушли.

Старец задумался. Мой учитель Филон всё это предвидел, знал заранее. Сколько мудрости дал ему Господь! Учитель поставил Логос выше всякого творения, одесную Бога. Он единственный, через кого Бог творил мир. Он сила Бога, он его Премудрость. Но и о нём ещё учитель не знал всего, что теперь открыто нам. Чем ближе мы мыслим Логос к Отцу, тем меньше глупых теорий возникает в головах этих эллинов, привыкших бесконечно спорить и мудрить. Боже, дай мне мудрость сказать всё!

- Прохор, ты где, дитя моё?
- Старче, я собирал гостям в дорогу, а сейчас прибираюсь в горнице.
- Садись, садись, пока я помню. Да, ты читал мои выписки из учителя моего Филона?
- Конечно, старче. Но это слишком мудрёно для меня.

– Ничего, мудрость придёт. Я старца и видел-то один раз, когда он был с посольством к Гаю. Я больше по книгам у него учился. А сейчас вспомнил его трактат о сновидениях. Он там пишет о Логосе, называя его богом. Помнишь, когда Иаков собрался бежать от Лавана, Бог обращается к нему и говорит: Я Бог, открывшийся тебе в месте Бога, то есть в Вефиле. Здесь старец мой разъясняет, что сделался видимым Иакову именно Логос, то есть Сын. *Бога же не видел никто никогда, но Сын его явил. Видевший Слово, видел Отца.*

– Так, может быть, Логос – не бог, а только умное проявление Бога в мире?

– Проявление? – старец сверкнул глазами. – Что ты, Прохор. Проявление... Старец мой Филон и говорил, и писал, что Логос – это не тот самый Бог, не Отец, но при том он и Логос называл богом. И говорил, что бог один.

– Как это? Так их два или один? И кому молиться?

– Это трудно вместить в наш разум – он слаб. А ты ещё и мал, ещё дитя, – Иоанн часто так называл Прохора, словно не замечая пробивающийся пушок под носом и на подбородке. – Да, и ещё старец много писал, что Бог всё сотворил Логосом. Запиши, вот начало благой вести: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё*

чрез него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть. Мы с тобой начали Евангелие с середины... Но ничего, соберём всё в одно... Да, да, а это будет началом.

Старец замолчал. Его огромные голубые глаза, свободно вращающиеся в голове, повернулись вверх, почти закатившись под верхние веки. Прохору стала страшновато от этих белых яблок в глазницах. Наконец старец вернул глаза на прежнее место и продолжил диктовать.

– Ещё запиши: *Бога не видел никто никогда; едиnorodный бог, суиций в лоне Отца, он явил.* Или подожди, пиши: *едиnorodный сын.* Нет, постой, пусть останется: *бог.*

– А вот эту, вторую мысль, её вперёд поставить или после первой?

– Ты её запиши. Мы потом найдём ей место. Это для памяти. А первая запись – это начало Евангелия.

– Старче, а может, перед этим написать, что в год такой-то правления кесаря Гая Калигулы было слово к Филону, сыну...

– Стой, стой, куда поскакал? Мысль – не лошадь, её нужно за ручку вести, осторожно. Я чему тебя учил? Будь стражем своих мыслей. Начало это не просто возникло, я о нём много думал... Укажем, кому было откровение, начнут спорить, а пророк был Филон или не пророк? Сейчас время споров. Не нужно этим спорщикам давать пищу. Истина, она истина и есть – не важно, через кого она вошла в мир. Понял?

– Да, старче.

– Ну вот и молодец.

XI

Аскетические опыты

Из рассказа Сергея Афанасьевича о своём друге.

Маленький Саша Страхов очень боялся смерти от какой-нибудь неизлечимой болезни. Когда ему было шесть лет, он попал с родителями в автомобильную аварию и едва выжил. Ужасные сны с тех пор сопровождали всё его детство. С возрастом страх не ослабел, Саша считал уже прожитые и ещё оставшиеся годы. Время в его восприятии бежало всё быстрее. Ещё в школе он придумал теорию, согласно которой индивидуальное время воспринимается неравномерно, его кажущаяся скорость пропорциональна отношению прожитых и оставшихся лет. Страх смерти побуждал его всю жизнь искать спасение от неё.

Учёба в школе давалась ему легко. Девушки заинтересовались им рано. Некоторое время он не знал, как себя вести, но довольно скоро освоил нехитрую науку соблазна. Выпивать, курить и обладать женщинами он начал в школе. Сейчас почему-то считается, что советская школа была чуть ли не пуританской – это всё навет. При этом, он был силён, занимался борьбой и много дрался.

В семнадцать Страхов приехал из Ашхабада в Москву и поступил на химфак МГУ, на следующий год его забрали в армию. Вернувшись в Москву, Александр окончил университет, можно сказать, на зубах дополз. Здесь он залпом прочёл все книги Карлоса Кастанеды. Раньше он был до мозга костей атеистом, не верившим ни во что, кроме физических констант. Но Кастанеда явно не лгал: всё, о чём он написал, было его реальным опытом. И этот опыт оказался столь обширным, подробным и взаимосвязанным, что Александр поверил в кастанедовское описание реальности. После МГУ его чудом взяли в Германию в институт Макса Планка, а потом он переехал в Бостон. Но работал там не по специальности – пытался зарабатывать везде, где больше платили.

В Бостоне Страхов сожительствовал с красивой русской еврейкой Региной, отец которой работал в библиотеке Конгресса. Однажды он возвращался с ней и другом из паба на старом «ягуаре», который почти всегда был неисправен. Они ехали с ветерком, но было скользко, и их занесло. Спутники погибли сразу, Александр был некоторое время в коме. Так судьба почти повторила предупреждение, выданное ему в детстве.

Страхов вернулся в Россию, работал послушником в монастыре, стал писать иконы. Жизнь перевернулась, встала с головы на ноги, или наоборот. Во всяком случае, перемена помогла примириться с потерями.

Вопреки общепринятому мнению существует огромное количество православных сект, не находящихся между собой в общении: это разнообразные катакомбники, греки-старостильники разных синодов, сербские церкви, осколки РПЦЗ. В одну из таких сект попал Александр в поисках настоящей церкви, а не бюрократической организации, коей является официальная патриархия. Опыт пребывания в секте был болезненным, но практически бесценным.

Интернет в то время только начинал проникать повсюду, и каждый, кто там проявлял активность, сразу оказывался на виду. Александру попалась в сети аудиопроповедь одного зарубежного священника – отца Андрея. Он рассказывал неслыханные вещи об опыте внутреннего делания. Александр открыл с его помощью Добротолюбие, Лествицу, Брянчанинова, Исаака Сирина, всю святоотеческую литературу. Это было, как взрыв бомбы. Кастанеда померк и забылся на их фоне, как фонарик в яркий день.

Чтение святых отцов открывало внутренний мир. Александр загорелся всё испытать на опыте, читал по пять тысяч иисусовых молитв в день, почти как в «Откровенных рассказах странника своему духовному отцу», испытывал перебои сердца, головные боли, потом опыт

внимательной молитвы, когда ум не отвлекался ни на что постороннее, потом самодвижущейся молитвы, особые состояния невероятной ясности. Все это изменило ум и дало ему силу, и научило внимательности, так что Александр мог читать тексты, замечая то, что другие пропускали. Однажды он молился перед иконой Богородицы с младенцем, всматривался в её глаза, и вдруг его как молнией пронзило понимание, что такое любовь матери к сыну. Это было всеобъемлющее чувство, заполонившее его целиком. Он стоял и не мог шевельнуться от понимания, что есть истинная жизнь и насколько человек мёртв в обычном состоянии. Он увидел, что вне этого состояния мышление, логика, рассуждения подобны мёртвым опавшим листьям, из которых ушла жизнь. Пережитое им тогда больше не повторялось, разве что с существенно меньшим эффектом.

Любому, кто сталкивался с наукой внутреннего делания и достигал особых состояний, было ясно, что он обрёл невероятное богатство, ради которого можно уступить всё, в том числе житейский успех, карьеру и прочие земные радости. Это было великим утешением в невзгодах и надеждой на лучшее для оставивших всё ради молитвы, живших в затворах, кельях, пещерах, вдали от людей. Они верили, что так действовал Утешитель, о котором сказано в Евангелии Иоанна.

Для большинства попавших в секту подателем этих «духовных» даров казался её основатель отец Андрей – не у всех была длинная ложка, чтобы черпать пищу прямо из трудов древних отцов. Это требовало большого труда.

Александр смог остановиться прямо перед пропастью, в которую упали и больше не выбрались другие члены секты. Несмотря на многолетние аскетические опыты, тонны переваренных святоотеческих трудов, ему удалось принять важные решения. Прежде всего он отбросил все духовные практики, как искусственный способ спасения, попытку схватить Бога за бороду, как ложную святость. Он рассказывал, что однажды ясно увидел всё это. С тех пор он стал молиться естественно, славя Бога и прося у Него помощи в жизни так, как просят отца в семье; оставил мантрование, к которому, несомненно, относится Иисусова молитва. Постоянное возбуждение в определённой области мозга перестало вызывать секрецию внутренних наркотиков типа энодорфинов, и ушли особые состояния, видение божественного света, непередаваемая радость. Александр не употреблял наркотики, но легко представил, что такой эффект мог быть от хорошей дозы. Вера без эффектов чище, и радость глубже. Александр всегда был мистически настроен и религиозен, в отличие от меня.

В те времена мы много читали и обсуждали. Так мы узнали, что внутреннее делание пришло в Россию одновременно с возвращением с Афона Паисия Величковского и его соратников, которые перевели многие древнегреческие писания на русский язык. Одним из первых, кто попал под их влияние, был основоположник плеяды оптинских старцев Лев Оптинский (Леонид), который в молодости познакомился с учеником Паисия Величковского Василием.

История жизни Льва Оптинского весьма показательна и поучительна, и её стоит привести. Вместе с Василием они побывали в нескольких монастырях, где неизменно производили фурор. Монахи собирались вокруг них, оставляя начальство и духовников. Так случилось и в Валаамском монастыре. Его настоятель в отчаянии написал письмо с жалобой на Льва и Василия митрополиту, дело дошло до министра духовных дел князя Голицина, который прислал для разбора дела уполномоченное лицо. Но и оно попало под влияние Василия и Льва. Монахи сутками сидели у этих двоих, слушая их наставления, но теперь уже вместе с присланным из Петербурга церковным чиновником. Монастырская жизнь пришла в совершенный разлад, и Льву с Василием пришлось-таки оставить Валаам и перебраться в Александрово-Свирский монастырь. Лев после смерти Василия переехал в Площанскую пустынь, а затем поселился в Оптине. Ученик Льва святитель Игнатий Брянчанинов позднее узнал подробности этой истории случайно, о чём писал брату. Он к тому времени уже серьёзно болел и подыскивал себе спокойное место. С этой целью епископ Игнатий посетил ряд монастырей, в том числе Валаам,

где всё узнал из первых уст. Автор знаменитых Аскетических опытов искал и постоянно находил подтверждение своим выводам об опасности духовных практик, ворвавшихся в Россию из афонского осколка Византии.

А за много лет перед тем в Петербурге молодой студент военно-инженерного училища Игнатий Брянчанинов встретил Льва Оптинского в Александро-Невской лавре, куда регулярно ходил на богослужения, и был очень впечатлён разговором с ним. Он так увлёкся, что сразу попросился в духовные чада Льва и был им принят. В то время Брянчанинов был одним из лучших учеников инженерного училища, был отмечен самим императором Николаем I, но, оставив обучение и став иноком против воли отца, поселился в Оптинской пустыни на послушании у Льва. Его ждало жестокое разочарование. Рассказы Льва Оптинского завораживали, и в них прямо чувствовалась реальность духовного мира. Но вскоре выяснилось, что Лев лишь пересказывал опыт древних отцов, сам его не имея. Таково свойство аскетической литературы: она настолько точно описывает внутренние движения человека, что одно её прочтение создает иллюзию обладания духовными силами. На деле читатель становится сначала только наблюдателем. Чтобы пользоваться этим знанием, требуется изменить образ жизни и вступить, как говорили отцы, в духовную брань. Делание требует аскетизма и уединения, а в общине Льва царили расслабление и пустые разговоры. Сам Лев Оптинский это знал и переживал об этом. Брянчанинов его любил, как друга и первого наставника, но никогда не причислял Льва к достигшим духовных степеней древнего монашества.

По смерти Льва ученики сразу же объявили его святым. Они сочиняли и пересказывали многочисленные истории про якобы совершённые Львом чудеса и сбывшиеся пророчества. Игнатий писал друзьям и брату, что оптинцы таятся, чтобы эти рассказы не донеслись до его слуха. Он ненавидел лукавство и был противником практики ложного прославления.

Вообще Брянчанинов пользовался огромным авторитетом и при нём о канонизации любого из оптинских старцев не могло быть и речи. Познав на опыте опасность духовной литературы для живущих в миру, Игнатий в своих трудах предупреждал и настаивал, что всё это предназначено только для особых условий жизни – для монашества, притом в его древнем изводе.

Прославление Льва Оптинского весьма показательно – так сочиняются мифы о святости, придумываются чудеса, потом пишутся иконы и молитвы небожителям, и христианство перерождается в язычество.

Оптинцы, познав силу духовной литературы, серьёзно принялись за перевод её на русский язык и стали популяризаторами этого древнего знания в России. Получив его, они завладели умами почти всех богоискателей в стране и получили в этой среде огромный авторитет. Толпы паломников отправлялись в Оптину для духовных бесед. Кто только ни увлекался тогда иисусовой молитвой, анализом своих внутренних движений, ощущений, переживаний и духовной бранью. Почерпнутое из чтения духовной литературы знание для большинства мирян и священства стало неотделимым от христианства вообще и даже его сутью. Ничего для перемены жизни и преображения человека оно не давало, но увлекало весьма, особенно знатных женщин и интеллигенцию. Это было своего рода духовным самоистязанием вперемежку с самоудовлетворением дореволюционной элиты. Так возник в России популярный до последнего времени институт старчества.

Повторение этого явления произошло в девяностые годы XX века, спустя более ста лет. Интересно, что увлечение духовными практиками в обоих случаях совпало со смутой в государстве. Кстати, на Западе из духовных практик получила широкое распространение только медитация. Она была недостаточно таинственна и глубока, поэтому в XX веке на Западе роль оптинцев сыграли тибетские буддийские монастыри и индийские йоги.

Александр был одним из многих, кто попал в эти «духовные» сети. Он пережил то же, что и Игнатий в отношении своего духовного отца, только в ещё более контрастной форме.

Его старец оказался очень речист и глубоко понимал Писание и труды отцов, но личного благочестия не имел вовсе. Он был сребролюбив и похотлив.

Выйдя из секты, Александр примкнул к зарубежникам, не присоединившимся к Московской Патриархии вместе с митрополитом Лавром, затем вернулся в патриархию. Сделав круг, он оказался в исходной точке, но так и не нашёл того, что искал – истинного братолюбия и церкви. Вопрос о церкви, где она и что из себя представляет, стал для него главным.

Примерно в это же время Страхов во второй раз отправился на Афон. В один из дней он прибыл в Богородичный скит Ксилургу, древнейший скит русских на Святой Горе. Здесь и подвизался в своё время Паисий Величковский. Теперь Ксилургу была заросшей, давно заброшенной обителью, так и не поднявшейся после известной истории начала XX века с имяславцами, когда с Афона были удалены почти все русские монахи.

Монахи под руководством эконома расчищали заросли и жгли ветки. Постепенно открывались великолепные древние камни, террасы, стены. Там Александр познакомился с отцом Вонифатием, который стал его другом, правда, ненадолго. Он выглядел крепким, но умер через две недели. Монах успел сказать Александру всё самое важное и указал ему направление поиска. До этого Страхов два года искал ответы в книгах. «Письма к друзьям» Михаила Новоселова (еп. Марка) и Хомяковская «Церковь Одна» были, пожалуй, лучшими размышлениями о церкви, которые он встретил. Но проще и понятней об этом в немногих словах поведал именно отец Вонифатий.

– Представь, – говорил он, – что семья решила временно приютить мальчишку, бездомного попрошайку с вокзала. Просто встретили его там и позвали к себе. Он недоверчивый, привык к обману. Дома то одно стащит, то другое по привычке. Взрослые замечают, но не наказывают сильно. И в семье правила – совсем другие, чем в мире, на вокзале. Там всё берётся силой и хитростью. А здесь слабый имеет больше всех, ему все помогают, будь то ребенок или бабушка с дедушкой. Никто не отвечает злом на зло и прощают, если осознал ошибку. Дают всё даром, не ожидая возврата. Мальчишка не верит пока, ищет подвоха – что это за царство с такими странными законами? День идёт за днём, и он постепенно понимает, что никакого обмана нет, и меняется сам. А потом говорит: пожалуйста, возьмите меня в семью, я хочу быть с вами всегда, быть одно с вами. Эта семья и есть единство Божьей благодати, то есть церковь. И образ будущего века, будущей вселенной.

Отец Вонифатий не считал монашество верным путем. Но, как и любой образ жизни, оно может помочь прийти к Богу. Не лучше и не хуже иных.

Прошли годы. Интернет дал мгновенный доступ миллионам к ранее скрытой от глаз в библиотеках и архивах информации, книгам, документам. Страхов и я были погружены в это с головой. Мы узнали, что чётки, короткая повторяющаяся молитва, умное делание и внутренняя борьба – это не открытия христианских подвижников, как казалось Игнатию Брянчанинову или оптинским старцам, да и самому Александру. К Нагорной проповеди труды и практика монахов не имели отношения. Напротив, аскетизм и отшельничество в немалой степени противоречили благой вести и указанному в ней пути спасения. Христос и апостолы были всегда в гуще людей и не призывали никого замыкаться на себе. Тем не менее многие пытались найти основания для монашества в писаниях Нового завета. На самом деле вся аскетика и молитвенный подвиг монашества – это плоды поиска и тысячелетних трудов подвижников от Индии до Египта, веривших и служивших разным богам. Это те средства, которыми язычники, не имевшие завета с Богом, пытались приблизиться к Нему. Услышав благую весть, некоторые из них её приняли, а некоторые вступили в ожесточённую борьбу с ней. В те далекие времена учение Христа принимали и понимали каждый по-своему: крестьяне, ремесленники, философы, анхореты. В той или иной мере их жизненный опыт и знания были использованы для осмысления христианства, а их практика привнесена в христианские общины и христианскую жизнь. В том числе и опыт умной молитвы, и аскетические подвиги, так же как поклонение изобра-

жениям, возжигание ладана, мистерии и прочее. Каждый находил в Евангелиях подтверждения своему пути, толкуя слова Христа на свой лад. Некоторое сочиняли подложные писания, искажали евангельские тексты, придумывали жития и истории чудес. Но, так или иначе, весь мир перевернулся и преобразился под влиянием благой вести. Знание о Боге наполнило мир, христианская этика стала общечеловеческой, жизнь по совести и вере воспринимается теперь как общий для всех идеал. Что ещё? Ряд сообществ присвоил себе статус представительств царства Божия на земле. Богословские теории, ритуалы, аскетика, сталкиваясь между собой, сопровождали распространение благой вести по всему миру, а потом мы увидели то, что было предначертано изначально словами Иисуса: отступление.

Это понимание несколько не ослабило уважения и любви Александра к почившему Вонифатию. Напротив, он был уверен, что именно Вонифатий дал ему толчок в нужном направлении.

На этом заканчивается длинное отступление от общего повествования, построенное на основе рассказов и записок Сергея Афанасьевича о своем друге Александре Страхове и его поисках царства Божия.

Глава 9

Пчёлы и мёд

Материалы сценария.

Эпизод 1. Арест Иоанна.

Надпись карандашом: Иоанн крестил одновременно с Иисусом в Иудее (Евангелие от Иоанна) или был схвачен до начала служения Иисуса в Галилее (рыбаки)? Вопрос принципиальный: в чём заключалось служение Крестителя?

Площадь в маленьком городке. Суббота. Возле синагоги, как обычно, после субботнего чтения и молитвы что-то обсуждают. Из синагоги вышел Иаков, скорняк, который переехал недавно из Капернаума с молодой женой. Он подошёл к группе, громко обсуждавшей новости:

– Шалом. Слышали?

– Да, все об этом говорят. Иисус-назорей исцелил дочь Иаира. Прикоснулся к ней, и она встала. А она была то ли при смерти, то ли уже умерла. Когда Иисус пришёл исцелять её, плакальщики смеялись – им никогда не платят, если вопрос ещё не решён на небесах.

– Назорей в дом с мёртвым не должен входить. А уж прикасаться? Это против закона.

– Он сказал, что она спит, а не умерла.

– А-а, если так... Тогда что за чудо?

Иаков не мог вставить ни слова, пока не вскипел:

– Да остановитесь уже. Я не о том. Ирод казнил Иоанна прямо на пиру в Махероне.

Все голоса разом смолкли и стали окружать источник новости, как пчёлы матку.

– Это правда? Он что, Бога не боится?

– Главное, что он прокуратора не боится. Схватили Иоанна в Иудее или нет?

– Некоторые говорят, что Ирод выманил Иоанна во дворец в Махерон. А это его область.

– Да, иначе сразу бы донесли Пилату, – скорняк стал говорить тише, и кольцо вокруг него сжалось. – У меня жена вчера была у сестры в Капернауме, вернулась поздно. Она как пчела – с утра на рынок летит слухи собирать, там всё гудит от этих пчёл. А потом она меня этим мёдом кормит. Так вот, все разговоры в Капернауме про это. Говорят, Ирод скрывал связь с Иродиадой от своей жены, а Иоанн везде обличал его. А Фазелис – это жена Ирода, гордая набатейка, дочь царя Ареты. Так Ирод боялся, что она узнает и прибежит к отцу жаловаться, вот и арестовал Иоанна, но она всё равно всё узнала и сбежала к отцу. Арета теперь собрался на Ирода войной из-за оскорбления, а у него войско-то посильнее Иродова. А Иродиада в отместку не побоялась убить Иоанна.

– Вот змея.

Больше Иаков ничего не знал про казнь Иоанна. Толпа опять разбилась на группы, и обсуждение новости продолжилось намного громче и оживлённее. Нельзя было понять, кто говорил – из общего гомона выделялись самые звонкие голоса.

– Выходит по всему, что Иоанн не машиах?

– Да он и сам говорил, что не он.

– А кто же? Он проповедовал царство Божие, говорил: покайтесь, близко уже. И крестил.

– Сказал, что придёт после него некто, кто очистит всех не водой, а огнём. И ещё духом.

– Огнем – понятно. А духом, это как?

– Ну ты даёшь, Фаддей! Не знаешь, как? Ты же завидуешь Малке из Вифании, что у него жена такая красавица.

– Ах ты сволочь!

Один из толпы, видимо, Фаддей, невысокий рыжий мужичонка, подпрыгнул и обеими руками толкнул в грудь собеседника, который был значительно выше и крупнее.

– Пстой, пстой, Фаддей. Это я для примера. Вот ты набросился, горишь от злобы. Прости.

– Какого примера, сволочь! – Фаддей, как маленький петушок, взъерошился и стоял напротив большого и спокойного, готовый прыгнуть.

– Прости, это шутка. Шутка. Видишь, ты меня убить был готов. Это дух всё.

– Дух? Да это ты, а не дух никакой, – Фаддей быстро остыл и уже смотрел на собеседника просто с укором.

– Ну я... и дух, который в тебя вошёл. Гордость там, злоба... Нечистый дух, словом. Гордый ты, Фаддей – готов убить, если что. А от машиаха будет другой дух, святой.

– А откуда он его возьмёт? От Бога, что ли?

– Бог помажет его. Всякое благо от Бога, и дух святой тоже. Пророки говорили, что козлёнок будет со львом вместе, и аспиде ребёнком. И не будут друг другу вредить. Дух всё меняет. Он этим духом будет очищать.

– Ага, ну и ба-асни...

– Может, и басни. А может... увидим ещё.

Эпизод 2. Слухи о воскресении Иоанна. Зелоты.

Через месяц. Площадь Капернаума. Большая толпа по обычаю собралась возле синагоги.

В центре Анания, Еремей, Иосиф, Левий обсуждают новости:

– К Иисусу теперь не пробиться, столько народа.

– Говорят, это Иоанн воскрес.

– Ага, это Ирод пустил слух: якобы Иисус – это воскресший Иоанн.

– Неужто верит в воскресение?

– Это он для народа. Народ зол на него за Иоанна – как бы бунт не случился. А если Иоанн жив снова, какие вопросы к Ироду?

– Хитёр царь. Многие-то и не знают, что Иисус объявился здесь, когда Иоанн ещё жив был.

– Жив-то жив, да уже был в тюрьме, где-то в Махероне. А нынче убит. Получилось, что Иоанн пропал, а Иисус появился. Вот и верит народ слухам про воскресение Иоанна.

Среди собравшихся у синагоги было немало пришедших из других мест. Они внимательно прислушивались, что говорили местные. Анания и Еремей, как обычно, задавали тему:

– Кто родом из Капернаума или рядом, те знают, когда здесь Иисус проповедь открыл. А нынче здесь народ не местный. Вот и выдумывают. У Иисуса – вон, родственники в Назарете. Какой же он Иоанн?

Толпа одобрительно загудела. Когда Иисус только появился в Капернауме, Еремей был в лагере скептиков. Он был стар и старался соблюдать правила, но со временем стал большим поклонником назорея:

– Иоанн не исцелял никого. А у Иисуса явно сила от Бога.

Анания же более почитал Иоанна, нежели Иисуса-назорея:

– Иоанн крестил назорея в Иордане. Иисус везде, где появляется, только и говорит, что о грядущем царстве небесном – этому Иоанн первый стал учить. И ученики Иисуса проповедуют покаяние по всей Галилее, как Иоанн.

Кто-то из толпы поддержал Еремею:

– Иисуса тоже за пророка почитают все. Вот уже несколько месяцев, как он проповедует.

– Всего-то? Иоанн больше. Я ж и говорю – Иисус появился, как только Иоанна взяли, –

Анания обвёл взглядом толпу.

– А сколько же Иоанн был в темнице?

– Сколько? Да не так долго, – присоединился один из пришедших из Иудеи.

Он едва говорил на галилейском наречии, к тому же шепелявил. Получилось смешно, кто-то в толпе хихикнул. Но он привык и не обращал внимания:

– Иродиада всё искала случая убить его, и ей удалось прямо в день рождения Ирода. А прошлый раз Ирод в Риме праздновал свой день рождения – пир там большой устроил. Сказывают, оттуда он эту змею и притащил. Так что много меньше года Иоанн был в темнице.

Разговор поменял направление. Опять стали обсуждать Иисуса. Он был главной новостью всё последнее время.

– Заметили, что чудеса назорей возрастают в силе? Сначала он изгнал беса из Авдея, от лихорадки исцелил тещу ученика, потом даже прокажённого и паралитика одного. Не знаю, верить ли? Сказывают, что ученики едва не утонули с ним в лодке – так он и бурю остановил.

– Елисей-пророк стихиями повелевал, почему Иисус не может? Елисей и прокажённого Неемана исцелил. Бог над всем властен, кому хочет, тому и даёт силу, – вставил своё слово Иосиф, хозяин рыбной лавки и в какой-то степени даже местный богослов.

– А сын вдовы из Наина? Его-то уж хоронить несли. Неужто правду говорят?

– Ты веришь, что Елисей и Илия воскрешали мёртвых? Видно, и назорей из великих пророков, – Иосиф стоял на том, что Иисус в самом деле совершал чудеса, как великие пророки.

– А мне ученик Хиллеля сказал, что учитель его возмутился, когда услышал про чудо в Наине. Говорит, не должен назорей к трупу прикасаться. Так по закону. А если это чудо не от Бога?

– Как не от Бога? После таких-то чудес никто и слушать не хочет, что в нём дух бесовский. Опять из Иерусалима фарисеи стали похаживать к нему – как на диковинку приходят смотреть. И заметил? С интересом слушают, что он говорит.

– Рассказывали, он пятью хлебами накормил пять тысяч.

– Может, и правда, я не слышал.

– Елисей однажды двадцатью ячменными хлебами накормил сто человек, а имел благодать вдвойне от Илии. Иисус всех превзошёл. Перемены грядут – великого пророка Бог послал Израилю, – опять показал свою учёность Иосиф.

– А куда назорей отправляется?

– Почему ты решил?

– Так Клеопа здесь.

– И что?

– Так он всегда приходит, если Иисус куда-то собрался. Когда с ним кто-то идёт, их часто кормят в селениях без всякой платы. А если нет, так Иисус не даст пропасть, как давеча с хлебами. Клеопа хитрее мытаря.

– Неужто?

– Так говорят. Смотри-ка, целая толпа подошла из Хоразина. Ага, их Иуда Искариот привёл за исцелением. Подошёл к Иисусу, поцеловал и на них рукой показывает. Есть слухи, что он за это плату берёт. А отделяет себе или нет, кто знает?

– Клевета, он идейный. Хотя, может, и берёт на цели борьбы? Я слышал, он с зелотами знаком.

– Да. И любит представляться как Иуда Галилеянин-правда, когда зелотов нет рядом. Помните, был такой мятежник Иуда Галилеянин? Он был учёный, как Иисус. Теперь его сыновья в зелотах, а Менахем возглавляет сикариев. Эти – так просто головорезы, – невысокий толстый Соломон из самого крайнего дома на севере Капернаума редко оставался после молитвы и сразу бежал домой. Шутили, что жена его строга и за опоздание лишает на месяц близости. На этот раз он остался.

– Соломон, тебя жена отпустила? Смотри, не завела ли кого?

Соломон даже бровью не повёл и продолжал:

– Но кто они против Иисуса? Разве они исцелили кого?

Фаддей сочувствовал зелотам – его отец был казнён римлянами после восстания. Он тут же вспыхнул:

– Исцелили? Ах ты... Да они умирали за царство Божие!

Остальные спокойно продолжали сплетничать.

– Иисус пророк и не знает, что его ученик сочувствует зелотам? – А им многие у нас сочувствуют. Вот, посмотри на Фаддея.

И что?

– Но Иисус же против насилия.

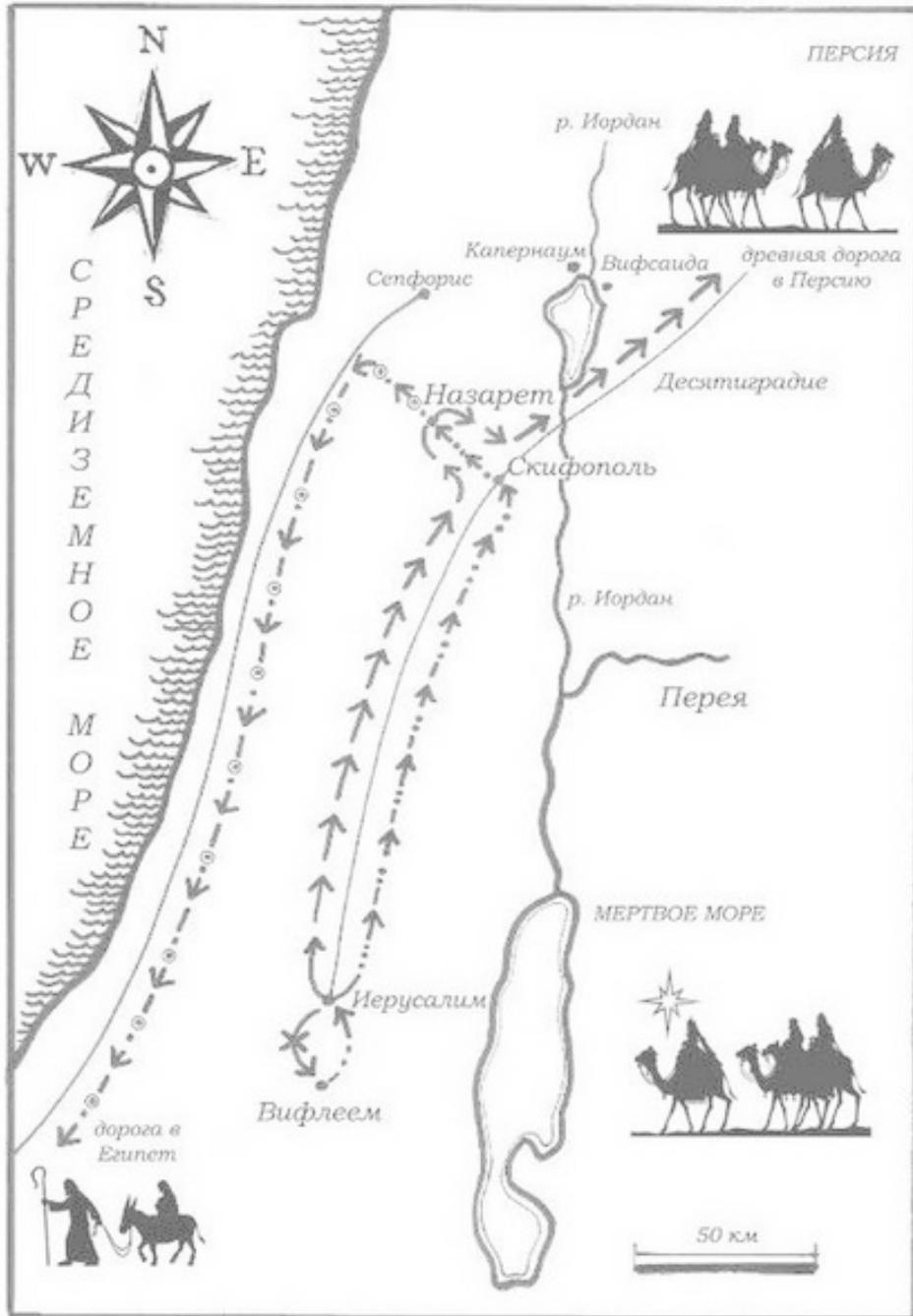
– Против. Но я думаю, он знает всё про Иуду. Он его, кстати, и прозвал Искариот. Иуда не любит это прозвище – сразу ясно, что он не галилеянин, а из предместий Иерусалима.

– А остальные? Тоже за зелотов?

– Да нет. Он да ещё Симон, прозванный Зелотом, – такой же, из двенадцати, которые всегда с Иисусом. Остальные – мирные.

– Может, и так. Но Иисус странный всё-таки. Почему он его выбрал?

Солнце припекало. Народ ещё посудачил и стал расходиться.

- ✂ → Путь в Вифлеем , по которому волхвы не пошли
- Путешествие волхвов за звездой через 2 года после Рождества
- · · → Возвращение Святого Семейства домой в Назарет на 40-50 день после Рождества
- · ⊙ → Бегство Святого Семейства через 2 года после Рождества

XII

География Палестины и судьбы мира

Из дневника С. А. Левия.

Я принёс в поликлинику свою надутую красную негнушующую руку.

– Доктор, меня покусали.

– Присядьте. Покажите руку. Болит?

– Ой, осторожней, осторожней, пожалуйста, доктор!

– А здесь? Ага, не дёргайтесь. Сей-час.

Доктор пинцетом извлёк из гнойной ранки осколок коричневого зуба.

– Вас, похоже, собутыльник покусал? Это не собака. Так что от бешенства колоть не будем. Хотя...

Из дневника С. А. Левия.

В юные годы я любил путешествовать и много фотографировал. Меня восхищала архитектура Европы, сочетание ландшафтов, древних камней, замков и хайтека. Приезд в Москву тогда казался возвращением в мрачный Мордор. Всё, от свинцового неба до грязного снега и серых домов, повергало в уныние. Вернувшись из Израиля, я впервые увидел, что Москва – красивый и современный европейский город. Даже небо сияло голубым, а зелень была яркой, свежей, пахучей.

Москва словно приняла иной дух – не суровый дух холодных земель, дух борьбы без особой надежды на победу, а дух праздности, веселья, лёгкого отношения ко всему, прагматичности и радости от получения, от потребления, от удовольствий. Это дух Европы. С ним легче жить.

Где-то в недрах общества, глубоко под поверхностью произошли большие перемены, которые увиделись мне в этой европейскости. В чём суть этих перемен? Сменилось поколение, и русские, наконец, перестали решать безнадежную задачу строительства общества справедливости. Страна отказалась от цели, в достижение которой больше не верила, и у всех словно тяжесть с плеч спала.

Мы стали нацией без общей всепоглощающей и преобразующей идеи. Православие было христианством для крестьян, рождая в их среде чистые души, а коммунизм – идея пассионарного общества, прогрессивных слоёв, устремлённых в будущее. Обе идеи могли собрать организм без денежного наркотика для решения великих задач. Это много раз спасало Россию. Теперь всё закончилось.

Я помню, как при крушении СССР все религиозные идеи вместе с сектами, конфессиями, духовными практиками ринулись в пролом стены, которую десятки лет выстраивали коммунисты. Православие, выбравшись из глухого угла, в который его загнала советская власть, расправило плечи и тоже вступило в борьбу за души. Перепад давления между внутренним вакуумом и этим напором внешних духов был так велик, что ветром перемен захватывало и кружило всех.

После окончания вузов все мечтали уехать и обустроиться, где угодно, лишь бы не в России, вдохнуть воздух свободы. Бежать туда, откуда дул этот свежий ветер. Кто-то уехал в Израиль, из МГУ, МФТИ – в основном в США и Европу. Среди более простой публики в моде были Австралия, ЮАР – молодёжь бегала по посольствам, заполняли анкеты на эмиграцию, обсуждали собеседования и завидовали везунчикам.

Вспомнился Дима Корнилов, выпускник биофака МГУ добрый и бесшабашный русский парень. Был он высокий красавец с шевелюрой, нравился женщинам, играл на бас-гитаре. Его занесло судьбой в ЮАР. До этого Дима побывал в намибийской тюрьме, был освобождён, попал

в ополчение к бурам, бежал от них к Манделе, познакомился с его женой. После долгих приключений он оказался в Непале. Там он провёл немало времени, оттуда написал жене письмо, которое она со слезами читала друзьям. Дима писал, что как-то поутру сидел и смотрел на горы, размышлял о своей жизни и, придя в состояние необычайной ясности ума, осознал себя сыном Солнца. Через некоторое время он вернулся в Москву и стал гуру довольно крупной секты. В неё входили только женщины, которых Дима время от времени брюхатил. Так он, кажется, приобщал их к святости, и они ему были бесконечно преданы. О чём он проповедовал, достоверной информации нет. Скорее всего, о свободе от цепей этого мира, о том, как вырваться из могилы нашего тела. И всё это, конечно, через презрение к общественной морали. Как-то они со всей сектой отдыхали на берегу Оки, Дима поплыл и не вернулся, утонул. Тело потом нашли. На похоронах вместе с женщинами были его отец, полковник в отставке, и мать.

Много молодых ребят из творческой интеллигенции в те годы ушло в монахи, некоторые подвизались в горах Абхазии, практикуя исихазм. Потом часть из них перебралась легально и нелегально на Афон. Тогда же организовалось несколько православных поселений в заброшенных деревнях. Энтузиасты пытались организовать коммуны, но не выдержали и разбежались, переругавшись. Многие друзья разочаровались в РПЦ и побывали в православных сектах, которые в патриархии называли сатанинскими собраниями. Выйти из секты для любого адепта было непросто и требовало большого нравственного напряжения. Так было и с Сашей Страховым, моим другом. Я тогда ночи напролёт сидел с ним и выслушивал его рассказы. Этот опыт помог мне развить какое-то духовное чутьё и пригодился потом в творчестве. С тех пор у меня выработалось стойкое недоверие ко всяким практикам, чёточкам и медитациям.

Секта, в которую попал Александр, возглавлялась довольно оригинальным авантюристом. Его звали Андрей, он был родом из Киева. Своей духовной матерью Андрей числил душевнобольную Екатерину, известную в Киеве юродивую. Простонародье на Руси всегда верило, что любой калека или психически больной, вплетавший в бессвязную речь имена Богоматери и святых, несомненно есть божий человек, несущий подвиг юродства. Екатерина нередко материлась, плевалась, ходила при всех на горшок – это считали знаками, их расшифровывали. Вокруг неё вилось много прислужниц, которые кормились с подарков, приносимых жажущими исцелений и благословений. Ехали к ней и подобным ей со всей страны. Привела Андрея к Екатерине жажда чудес вперемешку со стремлением получить духовные знания и силу. Поучившись у неё и насмотревшись на таких же богоискателей вокруг, он отправился в горы Абхазии. Прожил три года как монах с напарником в келье, занимаясь иисусовой молитвой, затем вернулся в Киев, женился. Устав от безденежья, решил рукоположиться. За пару лет отец Андрей успел попасть на заметку в СБУ, подложив в киевскую синагогу несработавшую бомбу, поучаствовал в войне в Приднестровье, попал в тюрьму, откуда его вытащили представители РПЦЗ, затем бежал в Канаду. Там он открыл свою церковь, объявив своим первоиерархом Иоанна Богослова, который якобы воскрес и пребывал на земле живым, во плоти.

Ещё одной рекой, увлекшей в свои потоки активную молодёжь девяностых, был бизнес. Предприниматели тоже были пассионариями. Кто-то открывал пекарни, другие пытались наладить производство лазеров, ферментов, медицинских приборов для продажи за границей. Большинству из них ничего не удалось. Успешными оказались деятели из комсомола, организовавшие кооперативы для перекачки безналичной денежной массы из госпредприятий в наличку, и те, кто входил в руководство предприятий, имевших экспортную продукцию, в основном сырьё. Они не были богоискателями, они были циниками.

Весь этот всплеск энергии, а точнее сказать, духовный разряд, был успешно утилизирован, пассионарная часть общества бежала или спилась. Долгое время пепелище великой страны представляло из себя ужасное зрелище. Потом немного прибрались.

Что же это было? Духом народ увидел, что СССР мёртв, и разрушил его, а потом дух погас, духовные искания прекратились. Так случается, если человек, выбежав из душной комнаты, вместо чистого воздуха вдыхает яд.

Что за яд вдохнул народ? Я уверен, что это яд язычества в фантике христианства. Ровно то же не раз случалось в древности с евреями.

Бог, перед тем как ввести евреев в землю Ханаан, предупредил их устами Моисея, что, если они отвернутся от него и станут поклоняться богам народов, он разрушит их царство, рассеет их по лицу земли, изгонит из земли обетованной. В первый раз, если не считать северного царства, которое отступило и погубило раньше, иудеи были рассеяны на семьдесят лет. Они были пленены Вавилоном. Но Бог также обещал им: когда народы начнут гнать и убивать вас, рассеянных по миру, вы вспомните о своем господе и обратитесь к нему, и он спасет вас и вернет вас на землю, которую дал вам в вечное наследие. И он их вернул.

Прошло почти шестьсот лет, явился Иоанн Креститель. Народ Израиля, наконец, окончательно поверил в единого Бога, и Бог призвал всех их к завету, который обещал отцам, – быть их Богом, а они должны были стать его святым народом и царственным священством. Отцы у Хорива отвергли завет, поклонившись тельцу, и Моисей дал им на время закон. Тогда остался *весь дом Израилев с законом, но с необрезанным сердцем*, как написал о них Иеремия, пророк.

О том истинном завете много говорили пророки. И вот пришло время этого завета, а посредником завета Бог избрал Иисуса. Но многие опять не приняли завет. Для ожесточившихся своего рода идолом стали храм и закон Моисея. Бог рассеял их по миру армией римлян.

После разрушения второго храма и рассеяния евреев прошло почти две тысячи лет. Народы опять собрались, чтобы гнать и убивать их, и жгли их в печах. Россия пролила кровь, защищая их и себя. И они защищали себя и Россию. Тогда Бог был с Россией – она не была ни языческой, как фашистская Европа, ни безбожной, как современная. Революция разметала прогнившую церковь и освободила народ от удушливого плена придуманных богов, но оставила сердечную веру народа в Бога. Поэтому в Отечественной войне участвовал верующий народ, не ходивший к попам, свечам и мощам. А евреи, благодаря России, после победы смогли вернуться на свою землю, где было воссоздано их государство, и пророчество опять исполнилось.

Языческие дрожжи, заразившие православие, вновь забродили в России без консерванта, которым служили почти весь XX век коммунисты и евреи. Опять веру в Бога заслонили иконки, матроны и мощи. Ими братва откупалась от Бога за воровство и убийства девяностых, а женщины – за смерть младенцев в утробах. Прочие спивались. И не осталось у народа ничего святого. Это и есть яд язычества, который вдохнул народ. И вот осколок прежней России на краю гибели...

Из записок и воспоминаний С. А., компиляция.

Сергей Афанасьевич оторвался от размышлений и набрал номер:

– Саша, я дома, немного температуру и заодно читаю Библию. Увидимся?

– Да, но я вот только залевкасил доску.

– Приезжай. Маргарита моя приготовит что-нибудь. Чайку выпьем. Я купил один мощный пуэр: путь чайного человека. Он чёрный как смола и вштыривает так, что после него нужна пробежка. А можем и с красным продолжить... вином.

– А, ладно, потом отшлифую. У меня заказчик – терпила. Звонок.

– Маргарита, привет. Хороша, как всегда. Мы по работе.

– Знаю я вашу работу. Она у вас рядами стоит под столом. Ладно, привет.

Через час.

Сергей Афанасьевич громко икнул:

– Ик. Вот, ты знаешь Писания, читал, то есть. Помнишь, значит, что Иисус ходил и проповедовал в Галилее, по берегам Галилейского моря. Скажи-ка, как это в Евангелиях пишется,

что Иисус с учениками переплыли на другой берег моря? Ну, помнишь, как мы на Селигере отдыхали?

– Ну...

– Где там другой берег? Все один берег. Иди и иди вдоль берега, пока не придешь с другой стороны недели через три. Или можно сказать: все берега разные – куда не махни рукой, и там другой берег, и там. Если озеро круглое – у него один берег.

– Ну...

– Баранки гну. У Галилейского моря два берега, как у реки. Разные. Это мое открытие, поздравь меня. Я открытие сделал, с помощью электронного глаза.

– Чего?

– С помощью Гугла. Я им на море Галилейское посмотрел, и знаешь, что увидел? Нет? Я увидел, что оно в долине Иордана спряталось. Это озеро – просто разлив Иордана. Это тот же Иордан, как у нас на Волге Рыбинское водохранилище – та же Волга. У Кинерета, то есть у Галилейского озера, и у Рыбинского водохранилища два берега: правый и левый.

– Ну и в чём открытие?

– Ты ничего не понял? Давай чайком зелёным разбавим, или... стой. Лучше пуэром. А то скоро ты два и два не сложишь.

Пока заваривали чай, Сергей Афанасьевич продолжал:

– Слушай сюда: твой писатель-евангелист Иоанн никогда на море Кинерет не жил и не рыбачил!

– Кинерет – это Геннисаретское озеро?

– Да. Иначе бы он знал, о чём я говорю. Он знал только, что есть такая река Иордан и море Кинерет, но у него путаница, потому что он привык к обычным случаям, когда река впадает в море и оттуда уже не выходит. Гугл тогда ещё не изобрели, понял?

– Не-а.

– Скажи: Астрахань и Сумгаит на одной стороне Каспия или на разных?

– Ну если идти вдоль моря, то на одной. А если стоять на берегу и махнуть рукой в сторону Сумгаита, то на разных.

– То-то. А на Галилейском море, как на реке, всегда можно сказать, на каком ты берегу. И те, кто там жил, точно это знали. Они даже селиться старались отдельно друг от друга – одни на левом, западном берегу, другие на правом. На восточном берегу жили в основном эллины, осевшие там после походов Александра. Там свиней пасли вдоль берега, которых евреи гнушались. А на западном, правом берегу жили в основном иудеи.

– А, теперь понял. Так разницу до сих пор видно: левый берег Кинерета – это оккупированные Голанские высоты, а правый – просто Израиль. Ну так и что?

– Тивериада и Капернаум на одной стороне моря находятся или на разных?

– Да откуда я знаю.

– Так, где моя карта Палестины? Вот. Смотрю сюда.

– Ну, вижу, что на одной.

– А у Иоанна в его Евангелии написано, что из окрестностей Тивериады после преломления хлебов Иисус с учениками переправились на другой берег моря в Капернаум. Три раза повторяется, что Капернаум и Тивериада на разных сторонах моря. А они на одном!

– А-а, вот ты о чём!

– С одного берега на другой не попадёшь, не переправившись через Иордан. Между Геннисаретом и Вифсаидой, например, всего километров десять, и берег там прямой, без извилин – не махнёшь рукой и не скажешь: вон там другой берег. Но между ними Иордан. Потому у Марка они на разных сторонах. И Капернаум с Вифсаидой совсем рядом, но на разных берегах, потому что между ними Иордан. Рыбацкие Евангелия можно вдоль и поперек исследовать. Везде, где сказано: переправились на другую сторону, другой берег моря, это соответствует

разным берегам Иордана. Ну, это в те времена. Как сейчас, не знаю. Сейчас кругом мосты – переехал и не заметил.

– Ты хочешь сказать, Иоанн не был рыбаком и не жил вообще в тех местах?

– Дошло? Я полчаса тебе пытаюсь это сказать.

– Если ты прав, получается, Иоанн писал о том, чего сам не видел.

– Так и есть.

– Но он же не был каким-то неучем! Если даже он жил в рассеянии, это не значит, что он не знал географии Палестины.

– Конечно, не знал. Откуда он мог знать? Я тебе и говорю, а ты не слышишь. Наше восприятие искажено современными техническими возможностями. Я это, как режиссер, хорошо чувствую. Мы живём в информационном обществе, друг мой! Да ещё с такими коммуникациями, когда перелёт от Москвы в Израиль занимает несколько часов. Для нас масштаб времени и расстояний иной.

– Иосиф Флавий жил без Интернета, но Иудею знал прекрасно.

– Так он до войны с римлянами там бывал не раз. А после? Многие побросали всё и бежали прочь от войны. Какие там рукописи и карты? И прийти-то потом в Палестину было опасно. И Гугла не было. Вот я открыл Интернет и передо мной карта, а ещё через пару секунд прочитал, что в те годы столица Галилеи и Иереи дважды переносилась. Историки потрудились, археологи, всё на основе раскопок и рукописей, а не слухов. А откуда знать еврею рассеяния, какая была столица Галилеи во времена Христа и какая там география? О столице ещё поговорим, позже. Не забудь напомнить.

– Ок. Допустим, Иоанн собрал записи в одно повествование. И, как сказали бы сегодня, издал компиляцию, добавив немного от себя. Основа то у него всё равно верная.

– Возможно. Но я хочу понять, для чего он это писал? Какая идея? А ошибок я нашёл много, всё и не упомнишь. Хочешь, пробегусь кратенько?

– Давай, загибаю пальцы.

– Иоанн написал о некоем Лазаре, которого воскресил Иисус. Он жил вместе с сёстрами Марией и Марфой в Вифании. Это по Евангелию Иоанна место, рядом с которым крестил Иоанн Креститель. На самом деле от Вифании до Иордана – минимум два дня пути. Разве это рядом?

– Хм-м, нет. Нет, конечно.

– Вифания – это почти пригород Иерусалима. У самого же Иоанна – в другом месте – написано, что Вифания, где жил Лазарь, была *близ Иерусалима, стадиях в пятнадцати*. Ни о какой другой Вифании в Израиле не слышали. Потому ещё Ориген, не найдя Вифании рядом с Иорданом, предложил писать вместо неё «Вифавара», то есть «Место брода». И теперь в синодальном переводе Евангелия от Иоанна стоит «открытая» Оригеном Вифавара.

– Принято. Если верить Иоанну, получается, Иерусалим тоже близ Иордана? Ну не-е-т. Так никто не скажет! И не говорил никогда! Гм-м. Что ещё?

– Так, ещё... – Сергей Афанасьевич достал из кармана свёрнутую вчетверо бумажку и, щурясь, стал разбирать каракули, написанные поверх какого-то договора.

Александр отвлёкся от беседы, пытаясь рассмотреть надписи. Кажется, это была выписка по счёту. Александр увидел жирно напечатанную цифру.

Наконец Сергей Афанасьевич нашёл нужную запись:

– Да, вот. Иерусалим по Иоанну – на берегу моря Галилейского. Это соотносится с тем, что мы уже... Ну хочется Иоанну, чтобы Иерусалим был поближе к воде! И к Иордану, и к морю. Помнишь, после исцеления у Овчей купели иудеи гнали Иисуса, и он из Иерусалима пошёл на ту сторону моря Галилейского в окрестности Тивериады? Это в шестой главе у Иоанна.

– Да ладно?

– Вот, возьми, посмотри сам, если не веришь, – Сергей Афанасьевич достал с полки Писание и протянул Страхову. – Сейчас-то любой поп знает – все там паломничали: Тивериада на берегу, а Иерусалим в ста пятидесяти километрах от озера.

– Да здесь просто мог выпасть кусок текста. Ясно, что Иисус не из Иерусалима туда пошёл.

– Хорошо, пусть даже так. Вот тебе ещё: по Иоанну Пётр с Андреем жили в Вифсаиде, а не в Капернауме, как у синоптиков. Мелочь? А где сама Вифсаида по Иоанну? Непонятно. Она то ли рядом с Иерусалимом, то ли в Галилее. Но от Вифании, где якобы крестил Иоанн, до Вифсаиды Иисус с апостолами добирались в течение дня. И ещё день шли до Каны. Это невозможно, сам понимаешь.

– Та-а-ак. С географией у Иоанна не порядок, как ни крути. Ну что же...

Страхов накрутил волосы на палец и подёргивал их, словно пытался подманить крупную мысль, плавающую в аквариуме. Наконец что-то клюнуло:

– А по Иоанну апостолы из рыбаков? Или и с этим вопрос?

– Скорее, были ими. Когда-то. У него и лодка-то упомянута лишь дважды. А зачем? Все проповеди по Иоанну были в Иерусалиме, а не на берегу, не с лодки. Дай вспомнить. Первый раз у него Иисус с учениками сели в лодку, когда пришли по берегу в окрестности Тивериады.

– Так... И лодка явно была не их.

– Конечно, не их. Они всё время в Иерусалиме были или рядом – не в Галилее. По Иоанну, конечно. Да... И второй раз по воскресении Христа, когда семеро решили пойти порыбачить. Это, правда, в странной, как будто прибавленной позднее двадцать первой главе. Так что решай сам.

Время уже было за полночь. Сергей Афанасьевич вспомнил, как они втроём – ещё Пётр с ними бывал часто – просиживали за разговорами до утра, как сегодня. Университетские тараканы люто ненавидели эту троицу, потому что им приходилось голодным терпеть, пока друзья наговорятся и потушат свет. Тогда наступало пиршество и слышалось шуршание тысяч лапок. Наутро вся поверхность стола была в мелких точках тараканьих фекалий. Но вот уже лет десять, как тараканы пропали из Москвы, и эта загадка занимала многие великие умы. Некоторые считали это предвестником апокалипсиса.

– Ты всё ещё сомневаешься... Продолжим? Иоанн пишет о царедворце, живущем с семьёй в Капернауме – в дне пути от Тивериады. Но царедворец должен жить рядом с дворцом, а дворец был в Тивериаде! Так? Думаю, Иоанну Капернаум виделся языческой столицей Галилеи, с дворцом и всей эллинской жизнью. А Тивериаду он считал святым городом. Так-то.

– А ты не допускаешь, что неточности могут быть результатом искажений при переводах и переписываниях?

– Возможно, но есть и то, что не спишешь на переводы. Вопрос ребром: где жили Иисус и ученики – в Иудее или Галилее?

– В Галилее... нет, в Иудее, кажется. Скорее, и там, и там.

– Ты уже понял, что у рыбаков – в Галилее, а у Иоанна – с точностью до наоборот. По Иоанну Иисус в Капернауме, да и вообще в Галилее, не задерживался. Так и сказано: *пробыл там немного дней*, а потом пошёл в Иерусалим. И ещё лишь один раз Иисус был в Капернауме – после преломления хлебов он проповедовал там в синагоге. И это не случайно у Иоанна. Так же, как и чудеса.

– Да я как-то не... И где их творил Иисус?

– По рыбакам – в Галилее. В Иерусалиме – только проповедь.

– Гм.

– Иоанн же подчёркивает – все чудеса совершались Иисусом в Иерусалиме, а в Галилее о них только слышали. Вернее, чудес в Галилее было два и оба Иоанн перечисляет на счёт, специально заостряя: первое с вином в Кане, второе с сыном царедворца. Так и говорит: это

второе чудо совершил Иисус... И всё. Да он с учениками и был там всего три раза. По Иоанну, конечно.

– Зачем же Иоанн переставил местами Галилею и Иудею? В смысле места проповеди...

– Галилея виделась ему из своего времени насквозь языческой. Он так и пишет: *спасение от иудеев*. Из Иерусалима, из Иудеи, но никак не из Галилеи. Иоанн этот вопрос заострил, а мог бы и пропустить. Но не нравилась ему рыбацкая история, она казалась ему выдумкой, басней, противоречащей очевидным фактам! Ну что, убедил?

– Не дави на меня. Я думаю... Похоже, ты всё-таки прав, если я трезв.

– В Галилее по Иоанну даже проповедовать было некому и незачем, – Сергей Афанасьевич продолжал докладывать гирьки на чашу с доказательствами. – Помнишь, братья попрекали Иисуса, мол, возвращайся в Иудею, что сидишь в Галилее один, без учеников. Здесь тебя никто не услышит. А в Иудее ученики увидят, какие ты чудеса творишь, и поверят в тебя. Нафанаил потому и спрашивал: может ли из Назарета быть что доброе? Там, мол, в Галилее – одни язычники.

– Короче, по Иоанну Иисус и ученики жили в Иудее, недалеко от Иерусалима. Там Иисус крестил и проповедовал, и чудеса там творил. Так?

– И проповедь его длилась минимум три года – это сейчас общепринятый взгляд. Это ясно из перечисления праздников.

– Погоди, а у рыбаков не три года?

– Нет. Прочти всё заново, особенно от Марка, не смешивая с Иоанном, – там год! Это по всему видно – такова логика событий. И пасха у всех троих упомянута одна – та самая, главная. Правда, у Луки в шестой главе сказано ещё об одной пасхе – но это вставка, которой нет в ранних списках. Так что Иисус жил в Капернауме, а ходил по всей Галилее около года и заходил ещё в Тир и Сидон, и в Кесарию Филиппову – но это всё ещё дальше от Иудеи.

– Но мало кто там принял учение Иисуса.

– Потому и сказано о Капернауме, что он хуже Содомы. Иисус в основном учил там, а потом в Перее, по дороге в Иерусалим – это на левом берегу Иордана. И когда он впервые пришёл в Иерусалим с начала служения, увидел его и заплакал о нём.

– Да-а. У меня эти слова про Капернаум как-то не укладывались. Потому как всё в моей голове смешалось! Все Евангелия! По Иоанну-то вся проповедь была в Иерусалиме, не в Капернауме. И это в Иерусалиме Христа не слушали и столько раз порывались побить камнями.

– Да, именно. Видишь, у него всё наоборот.

Давно стало темно. Только чашки на столе белели. Левий включил лампу, потом чайник, вытряхнул заварку из маленького глиняного чайника, прогрел его кипятком, засыпал свежую порцию чая и налил воды. Когда разливал по чашкам, комнату наполнил аромат свежих весенних веток. В детстве Левий любил сдирать с них тонкую кору и лизать сладкую белую веточку без кожицы. Они пахли именно так. Наконец Левий продолжил:

– В Деяниях есть эпизод. Помнишь, все пришли в изумление, когда от Петра исцелился хромым? И начальство не посмело тогда задержать Петра с Иоанном за проповедь о Христе, потому что все видели: *ими сделано явное чудо* в Иерусалиме. И те же начальники взяли Иисуса и приговорили к смерти? За считанные дни до этого?

– А точно. Выходит, никто не видел чудес от Иисуса в Иерусалиме. Если бы видели, не посмели бы его убить. Все чудеса Иисус совершил в Галилее, так и есть, – Страхов наконец явно встал на сторону рыбаков в заочном споре с Иоанном.

– Одно чудо всё-таки было и в Иерусалиме – по его слову засохла смоковница, – вспомнил Левий.

– Да, но это не видел никто, кроме учеников, – Страхов говорил спокойно, но было ясно: он переживал внутренне потрясение, переворот в сознании. Столько лет и столько раз он читал Евангелия и не замечал! Удивительно, но его не стали терзать сомнения из-за противоречий.

Напротив, Писание словно ожило. Спор рыбаков с Иоанном затянул его и Левия в первый век, сделал их участниками.

– Если честно, у меня все Евангелия давно слились в одно, и я не различал, что откуда, – продолжил Страхов. – Ещё час назад я был уверен, что Иисус все великие чудеса сотворил в Иерусалиме: исцелил слепорождённого и расслабленного, воскресил Лазаря из Вифании. А теперь вижу, что это только у Иоанна. Похоже, он действительно написал свое Евангелие, чтобы благую весть... как бы это сказать помягче? Подправить, что ли?

– Факт, что у него спор с рыбаками. Весьма искусный спор, надо сказать. А впечатление у многих, что между евангелистами согласие, только у Иоанна всё более духовно.

– Да, для продвинутых... Говоря откровенно, ты меня удивил. Я даже склоняюсь к тому, что Иоанн – не апостол, жил в Эфесе и из рассеяния видел явление Христа в ином свете, чем рыбаки. Скажу в твою пользу ещё вот что, и это мое личное наблюдение. Я ведь за границей проработал – как бы в рассеянии. Там, когда сидишь в пабе и заходят двое, говоря по-русски, то вполне нормально сказать: смотри, русские пришли. А если в России, то никто так не скажет. Могут сказать: смотри, два попа, или два хоккеиста, или двое голубых и т. д. Так вот в синоптических Евангелиях, которые ты называешь рыбацкими, евангелисты называют всех так: фарисеи, саддукеи, мытари, крестьяне. А у Иоанна все, кто не язычники и не самаряне, – просто иудеи.

– Класс! Но интуиция подсказывает, что всё ещё глубже. Этим спором философа и рыбаков, может, судьба христианства определялась, и будущие судьбы мира зависят.

– Заканчиваем на этой высокой ноте. Кажется, градус в крови превысил пороговое значение. У меня датчик критического мышления начинает подключивать.

К двери передвигались тихо, как коты, чтобы не разбудить Маргариту. Сергей Афанасьевич так же на цыпочках возвращался к себе.

– Не тишись, я не сплю. Ждала тебя...

– Марочка, как я рад тебя слышать.

Сергей Афанасьевич упал лицом на подушку рядом с женой и в ту же секунду захрапел.

Глава 10

Вода над твердью и под твердью

- Старче, приходили солдаты из Пергама, пока Вы почивали.
- Что хотели?
- Искали беглого раба Диоскора. Я сказал, что у нас всего четыре стены и спрятаться ему негде. А больше у нас ничего нет. Тогда они поймали петуха на дворе, заявили, что раз у нас ничего нет, то и петух не наш, а дикий, а им хочется ужинать после долгой дороги. Скрутили ему голову и ушли с ним.
- И всё?
- А ещё интересовались учением. Нынче всем интересно. Но я сказал, что старец спит.
- Бог им судья. Впредь вставать будем по соседскому петуху, на полкрика раньше. Теперь к делу. Прохор, скажи, дитя моё, в чём заключалось служение Иоанна?
- Так Вы уже спрашивали, отче. Запомнили?
- Не умничай, Прохор. Ты дитя ещё. Отвечай, если старец спрашивает.
- Согласно Евангелиям, отче, он проповедовал покаяние и крестил всех в Иордане в прощение грехов. Всё это в ожидании царства Божия и прихода помазанника, царя над Израилем из семени Давида. Входят в царство Божие те, кто омылись и присягнули царю, и заключили новый завет с Богом. И однажды он крестил Иисуса.
- Так, о чём же благая весть?
- Как же о чём, отче? Иоанн и Иисус проповедовали благую весть от Бога: покаяйтесь, ибо *исполнилось время и приблизилось царство Божие*. То есть время пришло, и до царства можно теперь достигнуть. А раньше оно было далеко. В этом радостная весть.
- А о Христе Иоанн что же, ничего не сказал?
- Сказал сначала про себя, что он сам крестил водой – как бы о прошлом уже говорил. И ещё сказал, что идёт за ним сильнейший его, который будет крестить всех духом святым. Это настоящее крещение, омытие внутреннее, которого не видно глазом, и обещание Богу чистой совести.
- Прохор, ты так дело выставил, что Иоанн только однажды видел Иисуса. А после того и крестить перестал?
- Это не я, отче. Я узнал из Евангелий, что Иоанн видел Иисуса во время крещения. А после Иисус немедленно был ведён духом в пустыню. Иоанна же взяли под стражу. Иисус окончил пост в пустыне и, узнав, что Иоанн в темнице, отправился в Галилею – продолжить благовестие царства Божия и проповедь покаяния. Апостол Петр так и сказал в день сошествия святого духа: *Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном...* Служение Иисуса началось после Иоанна. Но знал ли Иоанн, что именно Иисус избран Богом, что он есть помазанник? Не знаю, отче, об этом ничего...
- Прохор мог говорить, не останавливаясь, ещё долго, но старец его прервал:
- Ага. Вот и хорошо, что ты вспомнил из Деяний про Петра! И здесь всё то же: Иоанн, мол, закончил служение на крещении Иисуса. Домыслы всё это, бабы сплетни. Собрал Лука слухи и записал. Откуда же, по-твоему, люди узнали, что пришёл мессия? Да не просто мессия! Само Слово воплотилось!
- Я думаю, догадались по учению, которого раньше никто не слышал.
- Учению... Хм. Что толку в учении? Истина... Истина в том, что бог сошёл, явился *свет истинный, Слово стало плотью*, чтобы мы увидели свет и поверили. Мы через веру в Слово рождаемся свыше, оно даёт нам *власть быть чадами Божьими*. В этом истина. Иисус на то

пришёл в мир, *чтобы свидетельствовать об истине*. А учение? Это всё человеческое... Что может быть нового в учении?

– Заповеди... как жить. И ещё, в чём суть завета, как его исполнить, как войти в царство Божие. Иисус учил: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас...* и другое. В общем, *будьте совершенны, как совершен Отец*. Это совсем новое. Это не закон, а сердце. Ведь так?

– А-а, это... Проповедь на горе? Ну-у... Кто знает, было ли это? И что дадут заповеди? Ими нашу падшую природу не исправить. Многие до Христа вели святую жизнь... и что? Чтобы понять это, и нужен был пророк. Он нам всё открыл о Христе. Если и говорить об учении, то оно не в заповедях, а в том, что *Слово стало плотью и обитало с нами*. Оно изменило нашу природу! Это и есть главное, дитя моё, что Иоанн открыл ученикам Христа и народу.

– Простите, отче, но у Матфея иначе. Не плоть и кровь открыли Симону, что Иисус и есть Христос, а Отец небесный, – Прохор сам удивлялся иногда своей отчаянной смелости, когда так возражал старцу. Ему почти никогда не удавалось удержать язык и смолчать, когда речь шла о вере. – Я так понимаю, если человек со слуха узнает такое, пусть и из уст пророка, то какая ему радость и польза? А если в самом сердце откроется сие достоверно, то человек истинно блажен будет.

– Радуеть ты меня, дитя моё, – глаза старца слегка высунулись из глазниц и смотрели на Прохора с изумлением, словно видели его впервые. – Разумеешь ты не по годам, но ещё не как должно. Вот и рассуди, будет ли твёрдым такое знание о Христе, если оно только в сердце и не подтверждено свидетельством величайшего из пророков? Не затеряется ли оно в терниях, и не поклюют ли сии зерна птицы придорожные?

– По мне, старче, так, может, и поклюют, – Прохор поднял голову и посмотрел прямо в глаза старцу.

Ему показалось, что в этот момент он остался без одежды и стоял перед старцем Иоанном совершенно голым, и глаза учителя невидимыми лучами ощупывали его с ног до головы. Выдержав несколько секунд, Прохор решил не уступать:

– Но вдруг и останется?

– Кто теперь всё вспомнит, как оно было? – глаза спрятались в пещеры глазниц, и старец начал говорить напевно, а потом закашлялся. – Кх-кх. Вот ты, например, уверен, что апостолы никогда в жизни не видели Крестителя и не слышали его проповедь?

– Ну да. Их Господь призвал, когда Креститель уже в темнице томился. А потом Ирод убил его.

Старец поднял палец, показывая Прохору, чтобы он замолчал. В проём двери влетела крупная муха, и старец глазами следил за ней. Наконец она села, и он медленно, по-кошачьи приподнялся и двинулся на муху, взяв в руку рукопись. По мере движения он сворачивал её. Бац! Муха размазалась на рукописи большим чёрным пятном.

– Прямо на слове *благода-ать!* Отче-е, больше не берите рукопись, иначе не буду писать, – Прохор, скривившись, медленно разворачивал трубку и старался ногтём соскрести останки мухи.

– Так, а крестились они когда и от кого? – продолжал, как ни в чем не бывало, старец.

Прохор насупился и молчал.

– Ты будешь отвечать?

– Кто знает, отче? Об этом не сказано. Возможно, сам Иисус крестил учеников – он ведь тоже проповедовал покаяние. А потом уже ученики крестили других. Так?

– Вот то-то и оно. Кто это знает?

– А если Иисус вообще не крестил в воде? И апостолы тогда, значит, некрещёные? – Прохор посмотрел на учителя слегка растерянно. – И первые тысячи уверовавших в Иерусалиме

– они точно не были крещены. Там нет большой воды. И вообще, Иисус, как видно, не очень-то любил обряды. И Павел не сразу, но тоже стал таким: благовестие ставил выше крещения.

– Вот ты и договорился. Откуда ты это взял?

– Как-то само пришло... однажды. Я подумал, апостолы крестили в воде, чтобы были знак и черта. И чтобы никто не колебался между верой и неверием, – Прохор уже не раз обдумывал, что есть крещение и какой в нём смысл. – Я думаю, крещение водой – это внешний знак, который сам по себе не делает человека чистым, только его тело. Он мог быть другим – обрезанием, например. Но выбран был этот. Он правильно показывает суть.

– Постой, дитя. Да без крещения как же мы родимся для будущей жизни? А если не родимся свыше, как изменится наша падшая природа? Что мы возьмём в небесные обители? Кости и плоть? *Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть царствия Божия.* Запиши это, запиши, это духоносные слова. Я их своими ушами слышал, когда... Кх-кх, – старец закашлялся. – А рождаются свыше от воды и духа. А ты думал, всё верой совершается? Без небесной-то субстанции?

– Но Иисус всем, кого исцелял, говорил: *вера твоя спасла тебя.* Мы наследники обетования, данного Аврааму, по вере, а не по крещению. Так, отче? Это Павел ещё написал.

– Веровать нужно в то, дитя, что Иисус есть *хлеб живой, сшедший с небес; и что ядущий хлеб сей будет жить вовек.* А веру в завет с Богом не потрогаешь, не съешь. А как жить, если не питать тело? Духовное тело... Так-то. Вот наша вера – *Слово стало плотью.* И если так верить и креститься, то родишься как духовное существо. И так спасёшься.

Прохор умолк, опустил голову и не смотрел на старца.

– Запомни, Прохор, вода – это небесная субстанция. Ещё при творении Бог разделил воду на ту, что над твердью, и ту, что под ней. А твердь-это небо, как и написано в книге Бытия. Светила же Он создал после и поместил их на тверди небесной, где уже вода была. В воде, значит. Это первая глава книги Бытия. Так вот. Звезды – это воинство небесное, рождённое в воде. Все ангелы рождены от воды и духа. Среди них есть теперь святые ангелы и демоны. А вода, что под твердью, родила птиц и гадов. Подобие есть во всём, дитя. Ангелы и птицы рождены от воды и имеют крылья, чтобы летать по небу. А дьявол и гады лишились крыльев и ползают на чреве. Так об этом нам Писание повествует. И мы теперь должны родиться от воды и духа, подобно ангелам.

Прохору история с водой явно пришлась по душе. Старец потрепал его за плечо:

– Ну что ты, что ты? Меньше доверяй уму, дитя, а больше сердцу. Собери-ка лучше нам завтрак.

Прохор полез под крышу, где недавно подвесил засоленную рыбу. Потом достал хлеб из плетёной коробки. Помолвились и сели завтракать. Старец долго жевал рыбу беззубым ртом, доставал пальцами кости и выкладывал на стол. Когда окончили, Прохор собрал объедки и вынес во двор. Два голодных кота хватили его за ноги и подпрыгивали, показывая всем видом, что готовы на всё. Прохор вернулся. Старец размяк и сидел подобревший, прикрыв глаза.

Видно было, что он что-то вспоминает. Глаза были закрыты, но под веками кипела жизнь, что-то бегало и вращалось, как мышь под покрывалом.

– Ладно, оставим это. Думаю, всё было не так, как ты думаешь и как рыбаки рассказали. Мы всё опишем по-другому, чтобы всё сходилось. Иоанн, конечно же, знал учеников Христа и крестил их. И после ещё до-о-олго крестил, и Иисус с учениками крестил, только в другом месте. Но главное вот что: если верить рыбакам, то Иоанну Крестителю не было открыто, что Иисус был мессией, которого все ждали. Разве такая весть – благая? Разве она укрепит веру? Я думаю, самое важное упустили евангелисты. И мы с тобой дополним пропущенное. *Утешитель же, Дух Святой, научит нас всему.* Так и запиши.

– Как, старче? Кто такой Дух Утешитель? Я и не слышал про такого. Читал, что дух – это присутствие Божие, как тихое веяние ветерка. Так было с Ильей.

– Возьми последний свиток и напиши в благовестие слова Господа: *Утешитель же, Дух Святой, которого пошлёт Отец во имя моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что я говорил вам.* Сейчас не заботься куда записать, а потом все логики расставим по местам. Сам подумай. Может ветер что-то открыть? Ты же не рыбак, чтобы дух воспринимать, как движение воздуха. Дух – это бог, он личность.

– А из Павла и Деяний я понял, что дух – это невидимое действие Бога, через которое мы узнаем волю Отца и следуем ей. И Его сила.

– Запомни, сынок. Я скажу тебе то, что ты нигде не прочтёшь, как ни ищи: *Бог есть дух.* Запиши, дитя моё: *Бог есть дух, и поклоняющиеся ему должны поклоняться в духе и истине.*

– Но разве хорошо, если нигде в Библии нет, что Бог – это дух? Как это: Бог – дух?

– Хорошо, хорошо. Вот так Утешитель и научает тех, кто рождён свыше.

Старец строго взглянул на Прохора, так что у него голова вдавилась в плечи.

– Ну, пока хватит о духе, вернёмся к Иоанну Крестителю. По свидетельству апостолов, ученики Иоанна не знали, что Христом был Иисус из Назарета. Нет ли здесь ревности рыбаков к Крестителю?

– Ну что Вы, отче! Нет, нет, они и правда не знали. Когда ученики Иоанна услышали про воскрешение Иисусом сына вдовы из Наина, так тогда только и пришли в темницу спрашивать учителя своего, не Мессия ли Иисус, который сотворил такое чудо.

– Рыбаки не понимали великую роль пророка, потому и представили так дело. Мол, Иоанн не знал ответа.

– Но он в самом деле не знал. Истинно, так и было, отче.

– Глупо с твоей стороны верить басням, дитя моё. Мог ли величайший из пророков не знать ответа и отправить учеников справляться у самого Иисуса, не он ли Христос? И не позор ли это для пророка? Додумались, будто сам Господь прикрыл сей срам, оправдывая Иоанна и его незнание. Так по Матфею и Луке. Нет, всё это немощная человеческая память и неведение сотворили. А мы с тобой поправим и напишем всё, как было по истине, а не по памяти людской.

– Так старче, воистину так. Только не согрешим ли мы из лучших побуждений?

– Сотворишь сто поклонов вечером за неверие старцу. Не буду тебя, как архангел Гавриил Захарию, наказывать немотой. То, что говорю тебе, это не от меня. Мне сам архангел ночью являлся и всё поведал. Пиши.

Прохор не шевелился, и стало так тихо, словно воздух очистился от звуков, чтобы принять в себя слова старца:

– *После сего пришёл Иисус с учениками своими в землю Иудейскую и там жил с ними и крестил. А Иоанн также крестил в Еноне, близ Салима, потому что там было много воды; и приходили туда, и крестились, ибо Иоанн ещё не был заключён в темницу.*

Старец диктовал с закрытыми глазами, а когда окончил, взглянул в упор на Прохора. Глаза старца были так глубоки и смотрели так строго, что у Прохора едва не выступили слезы. Старец продолжил:

– Вот так и напишем, что Иоанн не был взят под стражу, а продолжал свидетельствовать. И главное его служение – не крещение в покаяние. Он вовсе не крестил в покаяние, как написали рыбаки. Иоанн *для того пришёл крестить в воде, чтобы Христос явлен был Израилю.* А потом – чтобы родились от воды и духа уверовавшие в него. Главное его служение – это проповедь всем, кто есть сын Божий и зачем он явился. Пиши ещё, что проповедовал Иоанн.

Голос старца опять приобрёл торжественные интонации:

– *Приходящий с небес есть выше всех. Отец любит Сына и всё дал в руку его. Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нём.*

Старец приоткрыл глаза и продолжал обычным голосом:

– Кто поверит, что Иисус есть бог Слово, если не пророк, признаваемый всеми, это благовестит?

– Истинно так. Если бы Вы, старче, не поведали мне Вашего откровения, я бы никогда не узнал о том из логий, писаний апостолов и их учеников.

Прохор говорил, как заколдованный, потом осторожно поднял глаза и взглянул на старца:

– Старче, а вы Христа называете Сыном так, словно «Сын» – имя. Не сын Божий, и не сын человеческий, а просто «Сын». Он что, один у Бога?

Старец не счёл нужным отвечать. Что толку? Истина не сразу вмещается – выпирает то там, то сям. Пусть он сам себе ответит. Нужно время... Да, время поправит всё.

– Прохор, а как думаешь, Иисус призвал учеников?

– Позвал и они пошли, бросили сети – так у Марка, и Луки, и Матфея.

– Разве ты стал бы моим учеником, не приведи тебя твой отец? Так и с апостолами. Они были Иоанновы ученики. И Иоанн указал им на Иисуса, сказав: *Вот Агнец Божий, который берёт на себя грех мира*. Так и напиши. А дальше они уже друг другу передали слова Иоанна Крестителя, что Иисус мессия. Андрей сказал Симону, своему брату, потом Филиппу, а Филипп Нафанаилу. Так и пошло слово пророка дальше, утверждая нетвёрдых в вере.

– Отче, а как же слова самого Иисуса, что не плоть и кровь открыли Петру это?

– А, по-твоему, дитя моё, слова пророка, передаваемые из уст в уста, это плоть и кровь? Нет. Так что мы не против писаний апостольских. Но мы их разъясняем и придаём им высокий смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.